

ВЛАДИМИР

КОЛЬЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ВЫСТРЕЛ

КОТОРЫЙ СНЕС КРЫШУ

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Выстрел, который снес крышу

«ЭКСМО»

2011

Колычев В. Г.

Выстрел, который снес крышу / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2011 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

Клоун с воздушными шариками расстреливает бизнесмена Горуханова. И все это происходит на глазах бывшего военного следователя Павла Торопова, компаньона Горуханова. Павел кидается в погоню за киллером, но тот благополучно исчезает на территории психиатрической лечебницы. С величайшего позволения главврача Эльвиры Павел начинает «проческу» всех палат и кабинетов больницы. Но вскоре у бывшего следователя «сносит крышу». Ему начинает казаться, что убийство – плод его больного воображения, а он сам уже три года является пациентом психушки и все это время равнодушен к роковому обаянию Эльвиры. В этой ситуации Торопову остается действовать, как и подобает настоящему психу, – бежать в поисках правды на волю...

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	9
3	13
4	18
5	24
6	33
Часть вторая	38
1	38
2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Владимир Колычев

Выстрел, который снес крышу

Часть первая

1

Молоточек влево-вправо, молоточек вверх-вниз, слева направо, круговое движение, диагональное. Он даже волос не коснулся, но застучало в висках, зарябило в глазах и закружилась голова.

– Неважно, неважно, – обеспокоенно и с упреком заключила женщина-врач, опуская свой молоточек.

– Не фонтан, если честно, – признался Павел Торопов и закрыл глаза, чтобы унять головокружение.

На вид ему было тридцать лет. Молодой мужчина с высоким лбом и ранними залысынами; широкие скулы, узкий с горбинкой нос, глаза светло-карие, чуть асимметричные, глубоко посаженные. Взгляд грустный, на тонких губах – ироничная улыбка. Роста он был выше среднего, сухопарый, жилистый, одним словом, прочного телосложения, поэтому могло показаться удивительным то, что на ногах он держался, мягко говоря, неуверенно.

– Сотрясение мозга у вас. Легкой или даже средней тяжести. Думаю, вас нужно направить на обследование в обычную поликлинику...

– А у вас необычная поликлиника? – улыбнулся Торопов.

– Я смотрю, вы мужчина с юмором, – строго, но с капелькой кокетства во взгляде заметила женщина.

– Работа у нас такая, без юмора никак.

– Да, работа у нас такая...

Врач вернулась за свой рабочий стол, взяла служебное удостоверение и с каким-то непонятым сожалением прочитала:

– Торопов Павел Евгеньевич, майор милиции, старший оперативный уполномоченный уголовного розыска... Назовите мне номер своего служебного телефона, и я позвоню вашему начальству, скажу, чтобы вас забрали.

– Вы мне лучше мой сотовый телефон верните. Я сам позвоню.

– Телефон мы, конечно, вернем, но позвонить по нему вы не сможете. Нулевой уровень сотового сигнала. Как вы сами понимаете, Павел Евгеньевич, медучреждение у нас необычное, поэтому и место выбрано соответствующее, вне зоны покрытия...

И снова женские губы тронула кокетливая улыбка. И в глазах на несколько мгновений зажглись лукавые искорки.

Эльвире Тимофеевне было слегка за сорок, но для своего возраста она выглядела замечательно.

– Шутить изволите? – Торопов правильно понял ее настроение. – Ваше учреждение когда строилось? Лет пятьдесят назад? А сотовая связь когда в нашу жизнь вошла?

– Думаю, у вас легкая степень сотрясения, – с мягкой иронией проговорила она. – Голова соображает, значит, беспокоиться не о чем.

– Тогда бы я хотел продолжить работу.

– Ваше право... Но...

В свои годы Эльвира Тимофеевна умудрилась сохранить былую красоту, но все же в молодости она была ярче и краше, чем сейчас. Наверняка мужчины вились вокруг нее как мухи. И дрались из-за нее, и сходили с ума...

Торопову она чем-то напоминала его жену. Черты и даже овалы лица разные, несхожие, но у них был общий типаж красоты. Пышные темно-русые волосы, высокие надбровья, яркие светло-серые глаза, сочные чувственные губы, обе высокие, сухопарые. И одинаково обаятельные. Будь Эльвира Тимофеевна помоложе, Торопов мог бы и влюбиться в нее.

Восемь лет назад его Маше было двадцать четыре. И сейчас ей столько же. И через годы ничего не изменится. Быть ей вечно молодой в его памяти... А Эльвира Тимофеевна будет и дальше стареть. Потому что она жива и умирать не собирается. Да и не за что ее убивать. Ну, смотрит она сейчас на Торопова как на своего пациента, и что? Ведь он и сам когда-то проходил обследование в психиатрическом диспансере закрытого типа.

А Машу он убил. Восемь лет назад. Вместе с ее любовником. Ее застрелил из одного ствола охотничьего ружья, его – из другого. Она умерла сразу, а он – уже в больнице, на операционном столе...

– Что «но»? – Торопов настороженно посмотрел на врача.

Не нравился ему ее взгляд. Очень бы не хотелось ему казаться психопатом в глазах этой симпатичной женщины, но...

– Вы же взрослый человек, Павел Евгеньевич. И вы прекрасно знаете, где находитесь. И утверждаете, что какой-то клоун перелез через забор и скрылся на территории нашего учреждения...

– Причем этот клоун убил человека.

– Вот видите, вы и сами осознаете абсурдность вашего утверждения.

– Осознаю... – кивнул Торопов. – Но клоун был. Рыжие волосы, зеленый лоб, синие щеки, красный нос. И костюм на нем желто-зеленый... Я за ним гнался, он убежал от меня. Он так ловко перелез через забор, как будто проделывал это сотню раз. Я полез за ним, но он уже не убежал. Он ждал меня... Даже не знаю, чем он меня ударил.

Торопов огладил рукой шишку на затылке. Проклятый клоун...

– А может, это был его сообщник? – предположил он.

– Сообщник? – странным взглядом посмотрела на него Эльвира Тимофеевна.

– Ну да, – неуверенно сказал Торопов.

– На территории психиатрического диспансера?

– Э-э, ну, я не утверждаю...

– Да. Но вы утверждаете, что клоун убил человека.

– Да, убил, это верно. Я своими глазами видел, как он убил человека. Застрелил из пистолета... И у него был как минимум один сообщник.

– На территории нашего диспансера?

– Нет, на месте преступления. Жертва выходила из машины, из «шестьдесят пятого» «Мерседеса», она направлялась в клуб, на деловую встречу, и в это время прозвучал взрыв...

– Значит, это была женщина?

– Кто женщина?

– Человек, которого убил клоун. Вернее, взорвал. Хотя вы утверждаете, что он ее убил...

– Не ее убил, а его...

От излишка эмоций Торопов мотнул головой, что вызвало у него боль и тошноту. Но это вовсе не повод, чтобы сдаваться.

– Мужчина это был.

– Но вы называете ее жертвой.

– Не ее, а его...

Торопов пальцами сжал виски. И с болью так легче совладать, и голову от встряски нужно удержать, ведь эмоции не улеглись, скорее наоборот.

– Мужчина это был, – повторил он. – А жертва, потому что его убили...

– Тогда кто принес его в жертву? – спросила врач, даже не пытаясь осознать несуразность своего вопроса.

Да и зачем ей это? Ведь она хотела усмотреть в поведении оппонента несуразность. И, судя по всему, ей это удавалось.

– Кого в жертву?

– Мужчину, о котором вы говорите.

– Никто не приносил его в жертву. Его просто убили.

– Взорвали?

– Нет. Застрелили.

– Но вы же сами сказали, что его взорвали.

– Я не говорил, что его взорвали. Я сказал, что прозвучал взрыв. Это был своего рода отвлекающий маневр. Это была обычная ракета, из фейерверка, она взлетела в воздух, взорвалась, и это отвлекло охрану и саму жертву. А в это время с другой стороны к ней подошел клоун, с шариками... Много шариков было. Красные, зеленые, желтые. И они были прикреплены к его пистолету...

– Шарики? К пистолету?!

– Нет, пистолет находился в кулаке. Большой такой надувной кулак размером с мою голову, даже больше. Он когда выстрелил, этот кулак сдулся. А потом и вовсе улетел. Вместе с шариками. И пистолет улетел...

– На шариках? – Эльвира Тимофеевна сдерживала себя, чтобы не засмеяться.

А сдерживать себя она умела, ведь она – профессиональный психиатр, и работа с душевнобольными – ее хлеб.

– А что здесь смешного? Шарики с газом, их подъемной силы достаточно для того, чтобы поднять в воздух предмет весом в один килограмм...

– Как же ваш клоун целился, если шарики тянули пистолет вверх?

– Он целился с учетом этого вектора силы. Я не думаю, что прицелиться было сложно. Возможно, он тренировался до этого... И, между прочим, очень удобно. Выстрелил – и тут же избавился от пистолета. А шарики поднялись высоко в небо...

– Вы видели, как высоко поднялись шарики в небо?

– Да, видел.

– Так вы за шариками следили или за клоуном?

– За шариками следил, а за клоуном бежал... Он очень быстро бежал.

– Не удивительно. В цирке с плохой физической подготовкой делать нечего.

– Логично. Только я не думаю, что этот клоун из цирка. Да и не клоун он был, а киллер. Высококласный киллер. А клоунский наряд – это маскировка...

– Допустим. Но почему он бежал к нашей больнице?

– Вот это я и хочу выяснить.

– И через забор, вы говорите, он перелез очень ловко, – вспомнила женщина.

– Да, как будто много раз это делал.

– То есть вы хотите сказать, что наша больница – прибежище для киллеров? – заключила Эльвира Тимофеевна.

– Я бы не сказал...

– Значит, прибежище для клоунов?

– Нет. Ваша больница – филиал уголовного розыска, – натянуто улыбнулся Торопов.

Нужно было как-то выкручиваться из той, мягко говоря, неловкой ситуации, в которую он попал. Клоун, воздушные шарик, пистолет в надувном кулаке... Не самая удобная тема для разговора с психиатром.

– Такое ощущение, что не я веду следствие, а вы.

– Скажите, а вам никогда не приходилось иметь дело с душевнобольными людьми? – сощурившись, деловито спросила женщина.

– Этого добра везде хватает, что у нас, что у вас... Помню, приходил к нам один товарищ, уверял, что пытался, но так и не смог убить свою тещу. Отрубил, говорит, голову топором, а у нее новая вырастает. Отрубил эту, новая отрастет... Угадайте, куда мы его отправили?

– К нам вы его отправили. Но прежде чем сделать это, вы его допросили. А потом с ним в таком же ключе разговаривали и у нас. Логично?

– Я понимаю, к чему вы клоните. Понял это с самого начала...

– Неприятное это ощущение, когда вас держат за душевнобольного человека?

Эльвира Тимофеевна мило улыбнулась, но взгляд остался холодным и незыблемым, как обледенелая скала.

– Да, но зато приятно иметь дело с человеком, который вызывает такое ощущение, – нашелся Торопов.

Он должен был склонить эту зрелую красавицу на свою сторону. Ему нужно найти убийцу своего шефа, и он должен остаться на территории этой психиатрической лечебницы. Но в статусе гостя, пусть и не самого почетного.

– Особенно если это красивая женщина...

– Если это комплимент, то спасибо, – нехотя отозвалась Эльвира Тимофеевна.

Она поблагодарила его так, как будто он действительно был ее пациентом, причем тронутым на почве сексуальных страданий.

– Но ведь это всего лишь ощущение. А на самом деле я точно знаю, что киллер перелез через забор вашего заведения. Возможно, он до сих пор находится здесь...

– И чем я могу вам помочь?

– Во-первых, я должен связаться с начальством. Во-вторых, я бы хотел остаться здесь, чтобы разобраться с ситуацией, так сказать, на месте...

– Вы так уверены, что ваше начальство согласится с вашим решением?

– В городе произошло заказное убийство, и я единственный, кто пытался преследовать киллера, кто взял его след. И кому, как не мне, заниматься расследованием...

Торопов осекся, споткнувшись о жесткий, как мрамор, взгляд Эльвиры Тимофеевны. Она стояла возле своего стола, холодно смотрела на него и рукой показывала на телефон. Она ясно давала понять, что на какое-то время он мог стать хозяином ее кабинета. А когда Павел Торопов снял с рычага трубку, женщина так же молча вышла в коридор.

2

Пышные кусты шиповника с шорохом качались на ветру, создавая эффект надвигающейся на берег морской волны. Торопов не боялся утонуть в них, но все-таки воспринимал их с опаской. Вчера, преследуя киллера, он опрометчиво нырнул в шиповник, колючая ветка больно хлестнула его по щеке. А если бы в глаз?..

Сейчас, продвигаясь по тропинке, он аккуратно раздвигал ветки, а еще внимательно смотрел под ноги. В нескольких десятках метров от забора шумела шоссейная дорога, может, какой-то водитель совсем недавно побывал под этими кустами. Но все чисто, и можно не опасаться за санитаря, с отрешенно-пренебрежительным видом шедшего позади. Вид у этого щекастого здоровяка был настолько глупым, что Павлу казалось, будто в медперсонал диспансера его взяли из числа бывших пациентов. Бывают же тихопомешанные олигофрены, не представляющие особой опасности для общества. Так это или нет, но Торопов почувствовал вдруг обязанность заботиться об этом парне. А может, Эльвира Тимофеевна внушила ему это чувство, когда навязывала сопровождение? Ведь он был благодарен ей за то, что ему позволили вести расследование.

Еще он обследовал ветки кустарника, нашел одну сломанную, другую, и обе на уровне лица. Первая ветка могла ударить по лицу его, вторая – киллера. Если так, то их можно взять на анализ, ведь на них остались микрочастицы кожного покрова преступника. Еще есть анализ ДНК, но это сложно, а в его положении и вовсе невыполнимо.

Но вместе с мыслью об анализе у Торопова возникло предположение, что на лице киллера могла быть такая же отметина от ветки, как у и него – бледно-розовая полоса через всю левую щеку.

Павел подошел к высокому забору из бетонных плит, плотно сомкнутых между собой. В том месте, где киллер преодолел преграду, в плитах имелись как будто специально сделанные выбоины, достаточно широкие для того, чтобы с ходу и с прыжка попасть в них ногой. Попасть, зацепиться, перенести вес тела на руки, чтобы затем схватиться за верхний срез плиты. Именно так вчера и поступил киллер, уходя от погони. И Торопов повторил его путь; правда, ему пришлось сдать назад, разогнаться... Взять это препятствие он смог только с третьей попытки. Еще вчера, переваливаясь через преграду, он успел заметить, что по верху забора натянута колючая проволока, и только в этом месте она отсутствовала. Вне всякого сомнения, ее срезали те, кто пользовался этой лазейкой. И если киллеру известен этот путь, значит, диспансер для него – дом родной или что-то вроде того. Может, он работает здесь, а возможно, лечится, симулируя душевное расстройство. А возможно, он и настоящий псих, помешанный на убийствах. Но где он тогда взял пистолет? И кто запустил в небо ракету?..

– А у вас здесь кто лечится? – спросил Торопов у санитаря.

– Кто лечится?! – с инфантильным каким-то удивлением посмотрел на него парень. – Люди лечатся.

– Понятно, что не звери. Обычные люди или, может, под следствием которые? Ну, на обследовании там.

– А Эльвира ничего не сказала?

Голос у санитаря тонкий, высокий, как у евнуха, что резко контрастировало с его крупным телосложением. Но, может, он потому и подался на работу в психиатрическую больницу, что комплексовал из-за этого недостатка. А так, среди ненормальных, он выглядел чуть ли не совершенством, чем и тешил свое самолюбие.

– Да как-то не дошли до этого, – пожал плечами Торопов.

– Ну, и я тогда ничего не буду говорить.

– Эльвиру боишься?

Павел поднял с земли пустую и поблекшую от непогоды пачку «Явы», потянулся к сломанной пыльной расческе. Вряд ли эти предметы обронил киллер: слишком долго пролежали они на земле, но все равно надо бы все собрать, спрятать куда-нибудь, чтобы не исчезло.

– Почему боюсь? Просто полицаев не люблю. И разговаривать с тобой не хочу.

– А чего ж ты нас так не любишь? Натворил что-то? – с едкой усмешкой глянул на санитар Торопов.

– Чего это натворил? – напыжился парень.

– Тебе виднее.

– Не было ничего!

– Да ладно, не было! У всех что-то было. С кем-нибудь когда-нибудь дрался? А это уголовное преступление! Пьяным за руль садился? Это уже почти преступление... А может, документы поддельывал? От уплаты налогов уклонялся?..

– Какие документы? – разволновался санитар. – Какие налоги?

– Тебе виднее... Может, бабу какую-нибудь изнасиловал. Она заявлять не стала, и тебя не тронули. А может, убил кого-то по случаю. Разругался с другом по пьяному делу и пырнул ножом почем зря. Или подругу. Труп в подвале закопал. Или, может, на части порубил да в мусорку выбросил! – наседали Торопов.

– Никого я не убивал! И не рубил! – побледнел парень.

– Тогда остается баба. Кого ты там изнасиловал? Подругу школьных лет или так, случайную?

– Не насиловал я, – не очень уверенно мотнул головой санитар.

– Тогда что? Может, кто-то другой насиловал, а ты присутствовал?

– Да пошел ты!

– А вот это ты зря! Я ведь и всерьез могу за тебя взяться. Друзей твоих поспрашивать, знакомых; с одного бока зайду, с другого – глядишь, и найду склеп в твоём подвале... Поверь, у каждого есть такой склеп. Ну так за что ты нас не любишь?

– Прилип как банный лист, – опустив голову, подавленно буркнул парень.

– Зовут тебя как?

– Гена.

– Ну вот, уже и на вопросы отвечаешь. Лед, как говорится, тронулся... Лишь бы ты сам не тронулся, с такой-то работой.

– А что? Работа как работа!

– Да, но ты же в тайны мадридского двора играешь. Одно можно говорить, другое нельзя, третье – как начальник скажет. Запутаешься в том, что нельзя говорить, и свихнешься. Или нет?

– А чего путаться? Чего скрывать?

– Ну, ты большой, тебе видней... Что тут у вас за клоуны через забор прыгают?

– Клоуны?! Через забор?! – прыснул в кулак Гена.

– А что, в дурдоме не может быть клоунов?

– Да нет, хватает... В принципе у нас тут каждый второй клоун. Один под Гитлера косит, другой под Сталина, Клинтон тут недавно заезжал, Монику Левински искал...

– А кто в Горуханова стрелял?

– В какого Горуханова?!

– Ты в Ульянове живешь?

– Да.

– И не знаешь, кто такой Горухан?

– Не знаю.

– Ну как же не знаешь? Он раньше весь город держал. Братва, бригады, стрелки, разборки...

– Ну, было такое. Только я тогда совсем пацан был, в школе учился...

– Да это и сейчас есть. Бандиты никуда не делись. Только ведут себя чуть потише. И Горухан особо не высовывался. У него в Ульянове легальный бизнес остался, он за него взялся, тихо все было, спокойно, ну, до вчерашнего дня...

– Не знаю я, кто такой Горухан.

– Его вчера убили. На Фабричной улице... Что, не слышал?

– Не-а, не слышал.

– Но теперь-то в курсе?

– Теперь да, теперь в курсе, – с инфантильным видом кивнул Гена.

– Его клоун какой-то убил. Вернее, киллер, который под клоуна рядился. Теперь понимаешь?

– Понимаю. Клоун его убил.

– Пусть будет клоун. Он через этот забор перелез... – не поднимая головы, движением пальца Торопов прочертил крутую траекторию, по которой киллер преодолел преграду на своем пути. – А я за ним...

Теперь нужно было показать место, где преступник подкараулил его и нанес удар по голове. Но для этого нужно было перелезть через забор.

– Боюсь, что повторить подобное я не смогу.

Торопов посмотрел вверх, и голова у него сильно закружилась, пришлось опереться рукой о заборную секцию. А ведь ему нужно было попасть на территорию больницы. Что ж, придется возвращаться к воротам контрольно-пропускного пункта, а оттуда идти к месту, куда спрыгнул преступник. Но сначала надо припрятать пачку из-под сигарет, расческу... К этим предметам добавился запыленный пузырек из-под йода, пакет из-под молока, сломанная зубная щетка со срезанной щетиной и цоколь разбитой лампочки. Все это Торопов спрятал под кустом шиповника.

– Значит, клоунов у вас здесь хватает, – небрежно сказал он, с хлопаньем потирая ладони, чтобы сбить с них пыль.

– Да, хватает, – хмыкнул Гена, с колкой иронией глянув на Павла.

– Кто там у вас? Гитлер, Ленин... А где Наполеон?

– От старости, говорят, умер. Гитлер и Ленин помоложе будут, поэтому пока что еще живут...

– Шутник ты, однако, Гена. Только не знаешь, что Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить.

– Ну почему не знаю? Он мне сам лично об этом говорил. И еще он сказал, что живет всех живых.

– Кто сказал?

– Ну, Ленин. Из семнадцатой палаты... А ты что подумал?

– Да мало ли, вдруг ты с духами общаешься.

– Нет, мне с духами по инструкции общаться не полагается.

Они вышли из полосы кустарника, по старой тротуарной и густо поросшей травой дорожке вдоль забора направились к въездным воротам. Торопов и санитар уже подходили к ним, когда за спиной, в отдалении, Павел услышал истошный хохот. Обернувшись, он увидел вдруг вчерашнего клоуна. Высоко выбрасывая вверх колени, он бежал тем же путем, что и вчера, только в обратном направлении. И распрямленные ладони он выкидывал вверх в такт своему фиглярскому бегу. Копна рыжих волос, синие щеки, зеленый лоб, красный шарик носа, клоунский костюм.

Не раздумывая, Торопов бросился за ним.

– Эй, ты куда? – удивленно протянул вслед Гена.

Но Павел даже не попытался что-либо объяснить. Расстояние до клоуна метров семьдесят-восемьдесят, сам он находился не в лучшей физической форме, одним словом, глупо было тратить силы на разговоры, сбивать дыхание...

Впрочем, далеко Торопов не убежал. Голова снова закружилась, почва ушла из-под ног, небо поменялось местами с землей, и он сильно ударился головой обо что-то твердое...

3

Эльвира Тимофеевна слушала внимательно, но, похоже, не воспринимала Павла всерьез. И как оказалось, у нее были на то причины.

– Вы говорите, что побежали за рыжим клоуном, но санитар Котов не видел никакого клоуна.

– Санитар Котов? Гена? Он ничего не видел? – ошеломленно протянул Торопов.

От волнения он приподнялся на локте, но Эльвира Тимофеевна осадила его движением руки.

– Лежите, лежите, вам сейчас никак нельзя вставать. Надо было сразу определить вам постельный режим, а то пошли у вас в поводу...

Она заботливо поправила под Павлом подушку, и он лег, удобно разместив на ней голову.

Торопов смутно помнил, как его в полусознательном состоянии доставили в эту одноместную палату, положили на койку, сделали укол, после чего он провалился в глубокий сон. Ему нужен был покой, и он его получил, но какой ценой? Может, ему вкололи какое-то психотропное лекарство, да и не один раз? Может быть, он проспал сутки, а может, и неделю?

– Давно я здесь?

– Один день вы провели здесь после первого клоуна и трое суток после второго. Только был ли клоун?

– Я видел его собственными глазами.

– У вас было сотрясение мозга, а это само по себе причина для возникновения всякого рода галлюцинаций.

– Эта галлюцинация бежала и смеялась.

– Галлюцинации бывают и зрительные, и слуховые, – парировала врач.

– Ну, может быть, – не смог противиться ей Торопов.

Действительно, у него кружилась голова и рябило в глазах; возможно, хохочущий клоун ему привиделся.

– Но ведь первый клоун тоже был.

– И он тоже смеялся? – совершенно серьезно спросила Эльвира Тимофеевна.

– Нет, он не смеялся. Он бил! Он бил меня по голове! – распалился Торопов.

– Павел Евгеньевич, вам нужно успокоиться, – менторским тоном проговорила женщина. – Вам сейчас нельзя волноваться.

– Ну да, у меня же проблемы с головой.

– Нет в медицине такого диагноза «проблемы с головой».

– Да, но проблемы есть.

– А проблемы есть, – кивнула Эльвира Тимофеевна. – У кого-то сотрясение мозга, у кого-то сотрясение души, и от всего этого страдает в первую очередь голова...

– Но с душой у меня все в порядке.

– Охотно верю.

– И тем не менее вы общаетесь со мной, как с душевнобольным.

– Если бы я считала вас своим пациентом, я бы не позволила вам покинуть территорию больницы. Но я предоставила вам условия для работы, для сыскных... Или как это у вас там называется?

– Для оперативно-разыскных мероприятий.

– Мы создали вам условия для таких мероприятий, но, как выяснилось, сделали это зря, – с сожалением сказала врач. – Вам надо было отлежаться денек-другой...

– Да, но у меня работа, у меня начальство.

– Работа, начальство... – эхом отозвалась женщина.

– Тем более вы говорите, что я здесь уже третьи сутки.

– После второго клоуна.

– Да, после второго клоуна... Интересный у нас какой-то отсчет времени, первый клоун, второй, – нервно усмехнулся Павел.

Не нравилось ему, что в глубине души Эльвира Тимофеевна держит его за идиота. Как бы аминазиновую терапию ему не назначила.

– Это как у алкоголиков, допиваются до белой горячки, а потом теряются во времени, – продолжал Торопов. – Так и живут, от одной белки до другой... Но я не алкоголик!

– Никто и не говорит, что вы алкоголик.

– Я – майор милиции! Я – старший уполномоченный уголовного розыска! Я разыскиваю особо опасного преступника! – ожесточенно чеканил Торопов. – Я разыскиваю киллера, который скрылся на территории вашей больницы. Возможно, этот преступник находится среди ваших пациентов. А может, и среди медицинского персонала! И вы, Эльвира Тимофеевна, как главный врач медицинского учреждения, обязаны предоставить мне, как представителю закона... вы обязаны предоставить мне условия для плодотворной работы.

– Я с вами полностью согласна, Павел Евгеньевич, – кивнула врач. – Поэтому вы здесь, а не в городской больнице, куда мы могли бы вас отправить с диагнозом «сотрясение мозга». Учитывая вашу повышенную работоспособность и эмоциональную возбудимость, я взяла смелость прописать вам легкие транквилизаторы, стимулирующие здоровый сон. Ваше состояние не внушает мне опасений, но сегодня, пожалуйста, соблюдайте постельный режим. А завтра с утра можете приниматься за работу...

– Опять в сопровождении Котова?

– Геннадия я приставила к вам потому, что вы выразили желание обследовать территорию диспансера. Здоровье у вас еще слабое, и кто-то должен был наблюдать за вами. Кстати, если бы не Котов, как бы мы узнали, что вы упали, погнавшись за клоуном? Так бы и лежали без сознания.

– Так за клоуном я погнался или за галлюцинацией?

– Не знаю, вам виднее, – сдержанно улыбнулась врач.

– Не понял.

– Возможно, клоун-убийца, за которым вы гнались, покинул территорию нашего учреждения. Перепрыгнул обратно через забор, и все...

– Ваш забор обнесен по периметру колючей проволокой, и преодолеть его можно только в одном месте. И клоун знал это место. Значит, ваш диспансер для него не чужой. Он сюда проник, он здесь и остался...

– Вы сами в это верите? – вежливо спросила Эльвира Тимофеевна.

– Да, верю.

– Мне кажется, вам не хватает уверенности. Возможно, потому вам и привиделся смеющийся клоун. Он смеялся над вашей неуверенностью. Он убежал из вашего сознания. Убежал, но не убежал...

– Из моего сознания... Но не убежал...

– Хотел убежать, но не смог. Поэтому вы и продолжаете свои поиски. Что ж, препятствовать вам не имею права... Но и сегодня вы не должны работать. Это единственное мое условие. А завтра с утра вы получите свою одежду, удостоверение и сможете обойти территорию диспансера, опросить людей, которые вызывают у вас подозрения... У вас есть на примете такие люди? – как бы невзначай спросила врач.

– Я слышал, у вас тут и Гитлер есть, и Ленин.

– Ну, как же без визитной карточки?

– Может, и Олег Попов есть? Или Юрий Никулин?

– Ни того, ни другого...

– Может, кто-то просто клоуном рядится?

– Если бы я знала, я бы вам сказала...

– Да, и еще вопрос. У вас обычные пациенты или есть и подследственные, ну, которые проходят обследование на вменяемость?..

– Нет у нас таких. У нас обычная психиатрическая больница, так что нет ни подследственных, ни осужденных. И соответствующей охраны тоже нет. Несколько человек из ЧОПа и санитары – вот и вся наша сила, так сказать, – мягко, успокаивающе улыбнулась Эльвира Тимофеевна.

– И еще вопрос...

– Завтра. Все вопросы завтра, – шелестяще-завораживающим голосом тихонько сказала врач. – А сейчас вам нужно хорошенько выспаться...

Она мягко провела рукой по плечу Торопова, и ему стало так приятно, что слегка онемели пальцы.

– Но я только тем здесь и занимаюсь, что сплю, – прикрыв от удовольствия глаза, умиротворенно сказал Павел.

– Но вы должны спать. Сон – лучшее лекарство.

– А если я не хочу спать...

– Я сейчас. – Эльвира Тимофеевна вышла из палаты, но скоро вернулась. В руке она держала шприц, заполненный жидкостью.

– Это снотворное, обычное снотворное, – предупреждая вопрос Торопова, мило сказала врач.

Снотворным мог оказаться сильный транквилизатор или даже психотропное лекарство, но Павел даже не пытался возражать. При всей своей внешней строгости эта женщина не вызывала тревоги. Она умела быть мягкой и завораживающе-обходительной...

Эльвира Тимофеевна сделала укол и ушла, оставив после себя ощущение своего присутствия. Во всяком случае, Торопову почему-то казалось, что он засыпает в ее объятиях...

Павел не видел препятствий, чтобы увлечься этой удивительной женщиной. Не было у него ни перед кем деликатных обязательств, некому было хранить верность. И даже память о покойной Маше не казалась сдерживающим фактором. Ведь она предала его, изменила ему...

Засыпал он с мыслями об Эльвире Тимофеевне, а проснулся от пристального взгляда, который устремила на него погибшая жена.

Маша сидела перед ним с распущенными волосами, уперев руки в бока. Глаза не злые, но сердитые, досада в них и осуждение. И губа нижняя закушена...

– Маша?! – оторопело протянул Торопов, приподнимаясь в изголовье.

Он осмотрелся. Знакомая палата, вечерние сумерки в окне, тусклый свет под потолком. Ни врачей, ни санитаров, только он и Маша. Только он и привидение.

Разглядывая его, Маша не отвечала. Ну да, призраки не могут разговаривать. Сейчас в палату войдет Эльвира Тимофеевна и видение исчезнет... Видно, хорошо приложился киллер к его голове: то клоун смеющийся померещится, то покойная жена...

– Зачем ты пришла?

– А зачем ты глазки ей строишь? – вопросом на вопрос ответила она.

Павел вздрогнул, больше от страха перед сверхъестественным, чем от неожиданности. Призрак говорил с ним, причем до боли знакомым голосом.

– Кому, ей?

Он слышал и свой собственный голос, и от этого ему еще больше было не по себе.

– Эльвире Тимофеевне.

– Не строю я глазки... А если бы и строил, тебе какое дело? Ты мне изменила, между нами все кончено...

– Я тебе изменила, а ты в меня стрелял. По-моему, мы квиты... Между прочим, ты мог меня убить.

– Мог убить?! А разве ты...

– Ты видел меня мертвой? – завывающим, как сирены, голосом перебила его Маша.

– Ну как же не видел? Я выстрелил тебе в сердце!..

Он хорошо помнил тот день, когда вернулся домой из командировки. Сначала он услышал женский стон из спальни, а затем снял со стены в гостиной ружье. Маша восседала на своем любовнике спиной к нему и лицом к двери, поэтому сразу заметила вошедшего в комнату мужа. А Павел долго разбираться не стал. Она тянула к нему руки, взывая о пощаде, а он выстрелил ей в грудь. Он видел, как пуля пробила ее плоть, как из раны хлынула кровь, как Маша замертво скатилась с кровати на пол. Следующим на очереди был ее любовник...

– Ты выстрелил мне в сердце, – кивнула она. – Но сердце остановилось раньше. От страха. От стыда... Поверь, мне было очень стыдно. Очень-очень... И хорошо, что мое сердце остановилось. Хорошо потому, что оно снова забилося. Но уже в морге... Ты видел меня мертвой, но не видел, как меня хоронили...

– Не видел. Я в это время сидел в камере. Но ведь похороны были...

– Кто тебе сказал? Следователь?

– Да, следователь...

– Нашел, кому верить... Тебя же в убийстве обвиняли, и ему нужно было тебя посадить.

– Да, но меня не только в убийстве обвиняли. Меня за убийство посадили. За двойное убийство. И я видел на суде твою маму. Она была в черном платке, и она плакала...

– Когда тебя судили? Через год после убийства? В черном платке, плакала, – передразнила его Маша. – За год она бы все слезы выплакала. Мама просто притворялась, чтобы тебе, Паша, больше дали... А твои родители ничего не могли тебе сказать. Потому что у тебя нет родителей и никогда не было...

– Когда-то были, но я их не помню.

До двенадцати лет Павла воспитывала тетка, а после того, как она преставилась, его отправили в детский дом. Это был первый круг ада из тех, что ему предстояло пройти. Ничего, выдюжил и очень многому научился...

– Это демагогия, Паша. Были, не были, какая разница? Главное, что ты никому не нужен. Мне был нужен, а сейчас ты один как перст...

– И зачем ты это мне говоришь?

– А затем, что тебя обманули. И некому было раскрыть этот обман. Тебя посадили за убийство, которого не было.

– А как же твой... ну, этот?

– Юра? Юру ты правда убил... Может, потому тебе и дали всего семь лет, за убийство одного человека.

– Семь лет мне дали из-за того, что я убил в состоянии сильного душевного волнения. У судьи тоже была жена, и она тоже могла ему изменить. Он поставил себя на мое место и...

– А у Леонида Константиновича тоже была жена?

– Ты знаешь про Леонида Константиновича? – удивился Торопов.

Полгода Павел находился на обследовании в психиатрическом диспансере, где наблюдал за ним врач Леонид Константинович, немолодой уже мужчина с пронзительным и мудрым взглядом. От него ничего невозможно было скрыть, и вряд ли существовал симулянт, способный обвести его вокруг пальца. Но по Торопову он составил заключение, которое спасло его от пожизненного срока.

– Я все про тебя знаю, Паша. Я слежу за тобой.

– Оттуда? – Торопов поднял глаза к потолку.

– Я не ангел, чтобы следить оттуда. Я живой человек...

– Я семь лет провел в тюрьме. Но уже целый год на свободе. Почему же ты появилась только сейчас?

– О какой свободе ты говоришь, Паша? Нет никакой свободы. Потому что ты никогда не сможешь стать свободным, пока я не прощу тебя. А я тебя не прощу, потому что ты стрелял в меня! Потому что ты хотел меня убить. И еще ты убил Юру. А я любила его!.. И тебя любила, и его...

Старая обида волной вдруг поднялась из глубины души и захлестнула сознание. Маша любила кого-то другого... Ну как он может относиться к ней после этого?!

– Пошла ты к черту!

– Зачем ты так? – хлюпнув носом, с обидой посмотрела на него Маша. – Я же и тебя любила...

Она поднялась со стула, на котором сидела, и, закрыв лицо руками, чтобы скрыть слезы, вышла из палаты. Только тогда Торопов пожалел о своем поступке и бросился за женой. Кровь пульсировала в висках, в ушах шумело, дверь в палату плыла в глазах, как отражение в кривом зеркале, пол качался под ногами, и все-таки Павел вышел в коридор. Но Маши там не было, зато нос к носу он столкнулся с Эльвирой Тимофеевной.

– Маша!

– Я не Маша, – обеспокоенно и вместе с тем строго посмотрела на Павла женщина и, мягко взяв за руку, завела обратно в палату.

– Нет, там была Маша! – кивком показывая за порог, возбужденно сказал Павел. – Моя жена!

– К вам приходила ваша жена?

– Да, покойная жена... То есть я думал, что она погибла...

– Покойная жена?! – с циничной иронией профессионального психиатра спросила женщина.

– Ну, я думал, что покойная. На самом деле она живая...

– Живая, живая, – увещевательно согласилась Эльвира Тимофеевна, легонько подталкивая Торопова к койке.

– Я должен ее догнать!

– Да, конечно... – она пальцем оттянула вниз нижнее правое веко пациента, осмотрела глазное яблоко. – Только не сейчас.

– Но я должен...

– И я должна. Должна предположить, что у вас наблюдается иллюзорно-бредовая дереализация. Негативные последствия приема лекарств. В этом, конечно, есть моя вина, но боюсь, что у вас еще и психика нарушена. Вы же не хотите пройти курс принудительного лечения?

– Ну, нет! – не на шутку встревожился Торопов.

– Тогда в постель и спать. А я посмотрю, насколько вы способны контролировать себя...

– Спать, спать, – закивал Павел, забираясь под одеяло.

Эльвира Тимофеевна и без того считает его как минимум не совсем нормальным, и он ни в коем случае не должен подтверждать ее предположение. Он должен взять себя в руки... Он успокаивается, закрывает глаза. Он в ясном сознании, он может контролировать себя. А Машу он найдет. Она где-то здесь, в этой больнице, иначе она просто не смогла бы найти его. А раз она здесь, он будет ее искать. И ее будет искать, и злобного клоуна...

4

Стекла были вымыты до состояния невидимости, и если бы не решетка, Торопов мог бы решить, что путь через окно свободен, а оно широкое, высокое, совсем не такое, как в тюрьме. Но какой смысл покидать палату через окно, если можно спокойно выйти в дверь? Ведь Эльвира Тимофеевна не препятствует его работе, и сейчас на дворе обещанное утро, когда он может взяться за дело. Правда, на нем сейчас больничный халат, а обычную одежду ему пока не принесли. А ведь завтрак уже был, и он с удовольствием съел пшеничную кашу на молоке и кусочек вареной колбасы, не важно, что слегка зеленоватой. Сытость, помноженная на бодрость выздоровевшего человека, – отличная платформа для плодотворной работы. Сейчас появится Эльвира Тимофеевна, потом принесут одежду, и можно приступать... Только с кого начинать поиск? С клоуна или с Маши...

Но была ли Маша, вот в чем вопрос? Может, она действительно привиделась ему? Эльвира Тимофеевна накачала его психотропными лекарствами, чтобы обеспечить ему покой и сон, вот и придавила его иллюзорно-бредовая дереализация... Но ведь Маша была такой же осязаемо-реальной, как и появившаяся вслед за ней Эльвира Тимофеевна. А уж она-то не могла ему привидеться...

Он разговаривал с Машей, как с живой. Но ведь не могла она выжить после того выстрела восьмилетней давности. И как она узнала, что он здесь? И почему она появилась именно тогда, когда он попал под действие психотропного препарата? И почему она ни разу не коснулась его рукой, чтобы подтвердить свою материальность?..

Торопов подошел к окну, глянул вниз. Судя по высоте, палата находилась на третьем или четвертом этаже основного здания. Раскидистые клены под окном, листва молодая, клейкая. От нового больничного корпуса к старому, через маленький уютный парк, тянется аллея с круглыми клумбами. Больные в темно-серых халатах сидят на скамейках, прохаживаются по газонам. С виду совсем не буйные, они неторопливо наслаждаются по-летнему теплой погодой, так овцы неспешно и с удовольствием пощипывают травку. Но за овечьим стадом посматривают пастухи, а за этим – санитары. Их было всего двое – высокие, крепкие парни в белых халатах. Они смотрели за порядком, отгоняя от клумб особенно рьяных любителей природы и почитателей цветочных букетов. И еще они следили за тем, чтобы пациенты не приближались близко к забору, мало ли что у кого на уме. Тихо, спокойно все, и клоунов нигде не видно...

За спиной с легким скрипом открылась дверь, Торопов обернулся и увидел высокого парня с узким лбом и необыкновенно широкими скулами. Неприятный землистый цвет лица, болезненная желтизна в глазах, но во всем другом он производил впечатление пышущего здоровьем человека – взгляд бодрый, широкие плечи расправлены, походка легкая, пружинистая.

– Привет! – весело поздоровался он с Павлом.

И коротким броском передал ему висевший на плечиках летний костюм темно-серого цвета. Чистый, без единого пятнышка, напаренный.

– Вот, после химчистки, все как положено! – живо отрапортовал парень.

– А химчистка откуда?

– Как откуда? – удивился парень. И, кивком показав на дверь, пояснил: – У нас тут и химчистка, и прачечная, и швейная мастерская. Там, за складом все... Даже баня есть. Вернее, две. Одна для городских, другая – для своих...

– Как это для городских? – не понял Торопов.

– Раньше там лечебно-производственные мастерские были, ну, трудотерапию когда проповедовали, а сейчас – комбинат бытовых услуг для населения. Сами знаете, у нас здесь городская окраина...

Почувствовав к себе интерес, парень расцвел, как подсолнух в ясный летний день, сел на стул, облокотившись на стол, забросил руку за спину.

– Город, промзона, лес, потом мы...

Павел, соглашаясь, кивнул. Кому, как ни ему, знать, в каких далях находится психдиспансер. И через промзону ему пришлось бежать, преследуя киллера, и через лес. Хорошо, он в юности легкой атлетикой занимался, на длинных дистанциях призы и медали брал, в военном институте опять же бегать приходилось часто и много, в войсках марш-броски были... Но и злобный клоун обладал, как выяснилось, отличной физической подготовкой, потому и смог уйти от него, более того, нанести сокрушительный удар...

– Но все равно к нам ездят, от предприятий, от гостиниц. Цены не кусаются, качество хорошее, в общем, без работы не сидим. Вопрос, кто сливки со всего этого снимает? – санитар взбудораженно вскинул вверх указательный палец правой руки. – Кто?

Он сделал паузу в ожидании подстегивающего вопроса.

– Кто? – заинтригованно спросил Павел. Он закрепил плечики с костюмом на высокой спинке больничной койки, сел на табурет. На говорливого санитаря смотрел внимательно, с интересом.

– Кто, кто? Кто всем этим заведует? – парень подбородком очертил окружность.

– Эльвира Тимофеевна?

– Ну а кто же! Она здесь и царь, и бог, и главный бухгалтер!.. Да, кстати, меня Роман Васильевич зовут, я здесь старший санитар... Но это всего лишь должность, а так я в банно-прачечном комбинате работаю... Я слышал, вы из милиции? – по-заговорщицки глянув на закрытую дверь, спросил он.

– Откуда ты это слышал? – удивленно повел бровью Торопов.

– Так у нас все об этом шепчутся. Думаю, что вас по нашу душу забросили. Ну, как там у нас на банно-прачечном комбинате дела, финансовые потоки и тому подобное.

– А ты что, Роман Васильевич, хочешь мне что-то рассказать? – воспрял духом Павел.

– Не рассказать, а покаяться, – понизив голос, елевым тоном сказал парень. – Я понимаю, вы не священник, но и я не монах. Все как на духу скажу, только бы в тюрьму не посадили...

– Что, все так далеко зашло?

– А дальше некуда! Если бы только финансовые потоки, а то здесь такое творится! – для пущей убедительности Роман поднял к небу глаза.

– Какое такое?

– Говорю же, две бани у нас. Одна для городских... А кто эти городские? Думаете, трудяги с заводов? Нет. Братва подъезжает! Ну, вы меня понимаете, бандиты там, воры. Бритые головы, золотые цепи... А на каких машинах подъезжают! А каких девочек привозят! Да что там девочки! Сам видел, как Эльвира Тимофеевна к ним ходила. В халате пришла, в шапочке, вся такая ровная и правильная, а вышла – простыня с плеч сваливается, сама вся кривая, шатается...

– И давно это было?

– Да почти каждый раз, когда эти приезжают!

– Кто эти?

– Бандиты!

– А кто конкретно? Может, имена запомнил, клички?

– Лукавый был, Шаман, Бес, в общем, всякая нечисть, – брезгливо скривился Роман.

– Сарацин, Мазут, Зубр... – осторожно, чтобы не спугнуть фортуны, подсказал Торопов.

– Сарацин?.. Вроде да... Мазут?.. Что-то было, – припоминая, кивал парень. – Да и Зубр вроде был.

– А Горухан?

– Горухан?.. Кажется, да...
– Высокий такой, как ты. Волосы черные, лицо широкое, черты лица грубые...
– Широкое лицо, грубые черты? – задумался санитар. И с видом прозревшего человека с улыбкой спросил: – Мордастый такой, да?
– Ну, можно сказать, что мордастый, – засмеялся Торопов.
– И крутой, да?
– Крутой. Очень крутой...
– Да, был такой. С Эльвирой в номерах закрывался...
– Может, у них роман был?
– Может, и был. Эльвира – баба красивая, хоть и не молодая...
– Это кому-то не нравилось?
– Кому не нравилось? – эхом отозвался Роман.
– Не знаю. Возможно, врачу какому-то или кому из персонала.
– Ну, врач есть. Косынцев Илья Макарович. Она ему очень нравится.
– А мог бы он человека из-за нее убить? Того же Горуханова?
– Я не знаю, – крепко задумался Роман. – Он, вообще-то, злой, людей ненавидит, над больными издевается. И еще развратом занимается.

– Развратом?

– Еще каким!.. Говорю же, у нас тут сауна для своих есть. Для городских вход с улицы, а для наших – со двора. Прямо за пищеблоком вход. Больных овсянкой на воде кормят, а для наших в сауне – пир горой. И еще повара водку гонят. Не самогон, а именно водку, сливовую, повышенной очистки. Вку-усная!.. И где они наркотики берут, тоже знаю. У них лаборатория в подвале, они там наркотики из лекарств делают. Нейролептики, антидепрессанты, анксиолитики всякие. Меня близко к этой кухне не подпускают, поэтому я точно не скажу, из чего там наркотики синтезируют. Но вставляет эта дрянь, я вам скажу... Девчонки потом такое вытворяют!

– Какие девчонки?

– Ну вы даете! – изумленно вытаращился на Торопова санитар. – У нас тут такие девочки лечатся, модельное агентство Дольче и Габбана отдыхает. Это которые на госпитализации. А есть еще дневной стационар, там пограничники лечатся...

– Какие пограничники? – не понял Павел.

– Мы их так называем, – бравурно подмигнул Роман. – Это больные в пограничном состоянии, ну, не совсем еще больные. Они лечатся, их кормят, а вечером они домой идут... А считается, что лечат. Красивых девочек сажают на наркотики, а потом в сауну. И для своих, и для чужих, ну, в смысле, для городских. Братва и девочек наших жалует, и наркотики...

– Ты же говорил, что они со своими девочками приезжают, – напомнил Торопов.

– Когда со своими, а когда наших им подавай. Там у Косынцева своя такса...

– Значит, Косынцев этими делами занимается?

– А вы что, не верите мне? – возмутился вдруг санитар.

– Почему же, верю.

– Нет, не верите! Я сам с психами работаю, я их души насквозь вижу! – взбудораженно вскочил со своего места парень. – Вы сами сейчас во всем убедитесь. Косынцев сейчас в бане с девочками. Сами увидите, какие там красавицы! И все под кайфом. Пошли!

Он попытался схватить Павла за руку, чтобы потянуть за собой к выходу, но Торопов уклонился и сам вышел из палаты.

В коридоре было чисто, светло, но пустынно – ни больных, ни медперсонала. Эхо шагов гулко отскакивало от истертой плитки на полу, от давно некрашенных, местами облупленных стен. Пахло лекарствами и карболкой. Но все-таки у Торопова возникло ощущение, что этаж необитаем.

Признаки жизни проявились на лестничной площадке. В отделение в сопровождении санитаря заходили три пациента: молодой человек с инфантильным выражением лица, возбужденный мужчина с лихорадочным блеском в глазах, седовласый морщинистый старик, который безмолвно смеялся, плотно сомкнув губы и рукой держась за живот. На Павла никто из них не обратил внимания. Зато санитар подозрительно посмотрел на своего коллегу.

– Ты чего здесь делаешь? – грубым, зычным голосом спросил он.

– Дела у меня, не видишь!

Ответил Роман с гонором ответственного лица, но шаг его участился, как будто его что-то напугало.

Из здания главного лечебного корпуса они вышли через запасной вход, по тротуару, мимо вещевого склада и трансформаторной подстанции направились к пищеблоку, возле которого разгружалась машина с хлебом.

За пищеблоком, примыкая к забору, тянулось здание, сложенное из серых бетонных блоков.

Роман еще больше ускорил шаг, проходя мимо длинного трехступенчатого крыльца под козырьком из темных шиферных листов. Железная, недавно покрашенная дверь была закрыта, но санитар нервно посматривал на нее в тревожном ожидании, видимо, боялся, что она сейчас откроется.

Зато за ручку другой двери в дальнем конце здания дернул без опаски.

– Сейчас вы во всем убедитесь! – пафосно проговорил он, распахивая следующую дверь.

Из маленькой раздевалки с железными шкафчиками для одежды Торопов шагнул в моечную. Он не хотел туда заходить, но Роман, одной рукой распахнув перед ним дверь, другой толкнул его в спину.

В душевых ячейках он увидел двух голых женщин, которых к числу девочек можно было отнести весьма условно. Одной было явно за пятьдесят, другой как минимум за шестьдесят... Правда, на появление мужчины они отреагировали так, будто были невинными девами невероятной красоты и совершенной телесной прелести; от их визга у Торопова заложило уши.

– Ну и где здесь Косынцев? – закрывая дверь со стороны предбанника, озлобленно спросил он.

– А что, его там нет? – Роман открыл дверь, перешагнул порог, но тут же выскочил обратно, отлепляя от лица намыленную мочалку. – Ой, мои глаза!

Он стремился поскорее покинуть раздевалку, чтобы промыть глаза от мыльной пены, но Павел его опередил, поскольку не хотел становиться жертвой разъяренных купальщиц.

Санитар бросился к первому крыльцу, которого так боялся, но Павел не торопился следовать за ним. Роман скрылся за дверью, но вскоре появился снова, правда, уже без халата. Двухметрового роста мужчина в джинсовом костюме крепко держал его за руку, подняв локоть на уровень головы.

– Как же ты уже достал, Дудник! – пробурчал он, сталкивая с крыльца парня, бледный вид которого навел Торопова на определенные и не очень приятные мысли.

И будто в подтверждение его догадки из-за пищеблока скорым шагом вышли двое – тот самый санитар, который встретился Павлу на лестничной площадке корпуса, и благообразного вида пожилой мужчина в белом халате и шапочке. Седые волосы, высокий открытый лоб, маленькие с ироничным прищуром глаза, тонкий с небольшим утолщением на кончике нос, ямочки на щеках и подбородке.

– Дудник, ты снова в санитаря играешь? – добродушно спросил он.

Похоже, он представлял собой тот редкий тип людей, которые совершенно не умеют злиться.

– Илья Макарович! – опустив голову, страдальческим тоном и умоляюще протянул Роман.

– Мы же с тобой договаривались, дружок! – успокаиваясь, с благодушной улыбкой погрозил пальцем врач.

Санитар же молча, но красноречиво сунул под нос самозванцу кулак.

– Здравствуйте! А вы, видимо, и есть тот самый злой человеконенавистник Илья Макарович Косынцев? – Торопов иронично, но вместе с тем разочарованно смотрел на пожилого врача.

– Да, очень-очень злой Илья Макарович, – внимательно глядя на Павла, засмеялся врач. – Это вам наш Рома такого наговорил?

– Если точнее, то Роман Васильевич.

– Иди, Роман Васильевич, по парку погуляй, проветришь, – Косынцев легонько хлопнул Дудника по плечу, и тот, поджав плечи, в сопровождении санитара направился к больничному корпусу.

– А вы, простите, кто будете?

– Майор милиции Торопов. Вот, ищу преступника.

– В больничном халате?

– Так вышло, что не успел переодеться. Роман Васильевич принес одежду, но так меня заинтриговал, что я обо всем забыл...

– И чем он вас так заинтриговал?

– Заинтриговал вот. Я так понимаю, никакой он не санитар.

– Нет, Роман мой пациент.

– Но ведь как-то он смог доставить ко мне в палату мою одежду, да и халат санитара не так просто найти...

– Роман и не на такое способен. Однажды он раздобыл милицейскую форму, распечатал на ксероксе официальные бланки и потом ходил по больнице и штрафовал пациентов. Но это совершенно безобидное отклонение от нормы. Заметьте, я говорю, отклонение, а не помешательство. Поверьте, нет на свете людей совершенно без отклонений. У кого-то эти отклонения больше, у кого-то меньше... Так чем вас заинтриговал Роман?

– Оказывается, вы производите и продаете синтетические наркотики, а также совращаете молодых симпатичных пациенток. Он уверял, что сейчас вы находитесь в бане в окружении прекрасных нимф, – улыбнулся Торопов.

– Что ж, это на него похоже, – развеселился Косынцев. – Есть мания преследования, а есть мания преследователя. Прошу вас, будьте снисходительны к причудам наших пациентов... Или вы уже закончили свое расследование? Вам, наверное, уже пора обратно в свою милицию?

– Нет, расследование еще не закончено. Хотя кое-что удалось выяснить. Дудник наплел мне с три короба про разврат и наркотики, но думаю, что в его бреде были просветы. Разумеется, наркотики вы, Илья Макарович, не производите, пациенток не совращаете. Возможно, вам даже не нравится Эльвира Тимофеевна...

– Ну почему же не нравится? – искренне удивился Косынцев. – Нравится... Но вы продолжайте, продолжайте.

Он внимательно смотрел на Павла, подперев кулаком подбородок.

– Вам нравится Эльвира Тимофеевна?

– Нравится. Она отличный врач, хороший друг, приятный собеседник.

– А нравится вам, что ее видели в бане с криминальным авторитетом Горухановым?

– Кто видел? В какой бане? Кто такой Горуханов? – совершенно беспристрастно, исключительно с профессиональным интересом спросил Косынцев.

– Э-э... Извините... Кажется, меня не туда понесло, – опомнился Торопов. – Заработался. Зарапортовался.

Он понимал, что стал жертвой сумасшедшего бреда Романа, но так не хотелось, чтобы разрушилась версия о знакомстве Эльвиры Тимофеевны с Горухановым. Но представить пья-

ного психиатра в объятиях авторитетного гангстера... И чтобы Косынцев убивал его в клоунском наряде... Похоже, вчерашний укол до сих пор действовал на психику, рождая в сознании глупые версии.

5

Худосочный мужчина с узким, сильно вытянутым лицом и тоскливыми, как у подыхающей лошади, глазами легонько, двумя пальцами держал Павла за рукав пиджака.

– Вы поймите меня правильно, я не терплю ложь, я просто ее ненавижу. Но я ничего не знаю о клоунах. Клоуны в цирке, а здесь их нет...

– Я вас понял, спасибо за информацию.

Торопов отдернул руку в надежде избавиться от больного, но тот уже изо всей силы схватил его за рукав.

– Вы меня не понимаете! Нет здесь никаких клоунов! Если бы они здесь были, я бы обязательно вам об этом сказал! Клоуны в цирке. Понимаете, в цирке! – Глаза его наполнились кровью, лицо принимало ожесточенное выражение. – Нет здесь клоунов! Нет!!! Ну как вы не можете этого понять! Это психиатрическая больница! Больница!!! А клоуны в цирке! В цирке! В цирке!!!

– Я все понял, понял!

Торопову пришлось нащупать болевую точку на его запястье, чтобы разжать руку. Пациент вскрикнул от боли, шарахнулся назад, но тут же снова шагнул в его сторону. И сделал это так быстро, что Павел не успел отступить.

Еще бы чуть-чуть, и больной снова бы вцепился ему в руку, но Торопов инстинктивно толкнул его в грудь. Мужчина не удержался на ногах и упал. Ударив по полу кулаком, он забился в истерике.

– Ну почему меня никто не понимает? Почему?!

Сначала к нему подбежал санитар, а затем появилась Эльвира Тимофеевна. Она вышла из глубины коридора, из полусумрака, в хорошо освещенный холл.

– И что здесь происходит? – с упреком глянув на Торопова, холодно спросила женщина.

– Он меня не понимает! Не понимает!! Не понимает!!! – Душевнобольной продолжал биться в истерике, но уже в тисках объятий, в которые заключил его санитар.

– Вы его ударили, Павел Евгеньевич? – глядя, как уводят пациента, спросила врач.

– Нет. Просто толкнул. Вернее, оттолкнул. Вот, рукав мне помял. А мог бы и порвать...

– Костюм у вас хороший, – кивнула Эльвира Тимофеевна. – И что интересно, совсем не дорогой. Всего три с половиной тысячи...

– Вы откуда знаете? – удивленно спросил Павел.

Костюм действительно столько стоил. Российского производства костюм, качественный: после химчистки не сел, отгладился хорошо. И всего три с половиной тысячи рублей, сто евро.

– Знаю... Пройдемте ко мне в кабинет, Павел Евгеньевич, разговор есть.

У Торопова засосало под ложечкой от предчувствия, что разговор будет не из приятных. Так и оказалось.

Первым делом Эльвира Тимофеевна взяла в руки молоточек, покрутила его перед глазами, затем заставила сесть, стукнула им по коленке, посмотрела реакцию.

– М-да, – глубокомысленно изрекла она и заняла место за своим рабочим столом.

Павел так и остался сидеть на кушетке.

– Значит, в баню меня таскали? Любовь у меня с криминальным авторитетом? А Косынец, выходит, из-за этого в клоуна превратился?.. Если я что-то не понимаю, вы уж объясните мне, пожалуйста! – безжалостно посмотрела на Торопова врач.

– Эльвира Тимофеевна, ну вы же сами прекрасно знаете, что это шизофренический бред вашего пациента, – умоляюще посмотрел на собеседницу Павел.

– Да вы не оправдывайтесь, ничего плохого не случилось. Один пациент сочинил, другой растиражировал, – устало-снисходительно улыбнулась женщина.

- Какой это другой? – востроенулся Торопов.
- Да такой... Поймите, Павел Евгеньевич, одно дело – в детектива играть, и совсем другое – рукоприкладство. Никто не давал вам права бить пациента...
- Кто в детектива играет? Дудник?
- И он тоже. Два сапога пара...
- Что значит – два сапога пара?
- А то и значит. Никакой вы не майор милиции, Павел Евгеньевич. Себя вы в этом убедили, и у вас есть на то причины, но я то знаю, кто вы есть на самом деле...
- Кто я на самом деле? – похолодел под цинично-участливым взглядом врача Павел.
- А вы напрягите память, постарайтесь вспомнить. Возможно, это будет ваш первый шаг на пути к выздоровлению.
- Я не болен!
- Да, конечно, – Эльвира Тимофеевна утомленно провела рукой по лбу и разочарованно, вытянув губы в трубочку, выдохнула.
- Да, я не майор милиции, но это ничего не значит...
- А кто же вы тогда?
- Никто. Частное лицо.
- Может, частный детектив? – с усталой иронией вяло усмехнулась врач.
- Нет, не детектив, просто частное лицо... Я служил в армии, в военной прокуратуре, квартира у меня в Твери была, служебная. В командировке был, вернулся домой, а там такое... В общем, убил жену, отсидел семь лет, освободился, устроился на работу к Горуханову...
- Кем вы устроились к нему на работу?
- Охранником. Просто охранником. В клубе, которым он владеет. Он туда ехал, а я отлучился, в магазин мне надо было, телевизор хотел купить. У меня комната в общежитии, а телевизора не было, а тут зарплату получил, решил и телевизор купить, и зарплату заодно обмыть. Ну, возвращаюсь, иду по улице, смотрю, клоун с шариками в Горуханова стреляет, я за ним... Здоровье у меня ничего, со спортом дружу, в общем, слабины не давал. И клоун хорошо бегал, но я его не отпустил. Он через забор, я через забор...
- Дальше я все знаю, – движением руки осадила Павла Эльвира Тимофеевна.
- Что вы знаете? – в запале спросил Торопов.
- Как вы здесь искали клоуна, знаю, какими методами... Вопрос в другом, за что вы сидели?
- За убийство. За убийство своей жены. И ее любовника. Двойное убийство – это серьезно, и я прекрасно осознаю всю тяжесть своей вины...
- Вы хорошо это помните?
- Что я помню?
- Как вы убили свою жену?
- Как убивал Машу? Конечно, помню! Я стрелял в нее и убил. Вам я говорил, что она живая. На самом деле она мертвая...
- Когда вы мне говорили, что она живая?
- Ну как же, вчера вечером! Вы сделали мне укол, я уснул, а когда проснулся, увидел Машу. Она рассказала мне, как изменяла, как любила своего этого... Я послал ее к черту, она ушла, я выбежал за ней в коридор, а тут вы. И вы еще сказали, что у меня иллюзорно... э-э, иллюзорно-бредовая дереализация из-за лекарств...
- Я вчера вам это говорила? – еще больше удивилась Эльвира Тимофеевна.
- Ну да, вы еще в постель меня уложили. Сказали, чтобы я успокоился, и еще пригрозили курсом принудительного лечения. Сказали, что я должен контролировать себя...
- Я это сказала?.. А может, вы сами это себе сказали? Ведь я учила вас контролировать себя. Сколько раз мы с вами об этом беседовали! Я говорила вам, вы себе внушали, вот на под-

сознательном уровне это и проявилось. Я действительно ввела вам сильнодействующее лекарство, поэтому у вас, Павел Евгеньевич, и возникли галлюцинации. Сначала покойная жена привиделась, потом я... Не могли вы со мной вчера разговаривать, не было этого. И не могла я вам сказать про иллюзорно-бредовую дереализацию. Но вы сами знали про то, что время от времени вас посещает покойная жена, в подкорке у вас записана моя установка, вот она и проявилась. Это не я говорила с вами, это вы говорили с самим собой. Вы понимали, что должны контролировать себя. Это хорошо, что вы это понимали. Это очень хорошо...

– Но я видел вас, – подавленно пробормотал Павел. – Вы приходили ко мне...

– Когда я приходила к вам? Назовите примерное время.

– Я же говорю, вчера вечером. Еще светло было...

– Не знаю. Сразу после того, как я сделала вам укол и уложила спать, мне пришлось выехать в город по делам.

– В город по делам... Ну да, у вас дела могут быть в городе... В городе, в городе...

– Поверьте, никаких дел с вашим Горухановым я не имела, – опечаленно усмехнулась Эльвира Тимофеевна. – И в бане с ним не мылась. Да и бани нет никакой. Только для медперсонала, и то не баня, а душевая. Да, сегодня утром вы там были...

– Дудник сбил меня с толку, – опустил голову Павел.

– У Дудника свои проблемы, у вас – свои. Но есть одно общее: и вы играете в детектива, и он...

– Я не играю в детектива! – отчаянно мотнул головой Торопов.

– Ну как же! А удостоверение сотрудника милиции? Оно же фальшивое.

– Фальшивое. Но я в этом не виноват. Это все мой начальник. Меня охранником в клуб взяли, но я же следователь по профессии, и не важно, что военный. Работу все равно знаю; ну, меня иногда просили по этой части поработать. Например, человека найти, поработать с ним, допросить, узнать... Корочки красные для этого дали, я не возражал.

– Какого человека найти?

– Разных. Там же в клубе зал игровых автоматов, пока еще работает, хотя и закрыть собираются... Так вот, иногда нужно про человека узнать, который подозрительно много выигрывает. Где живет, чем дышит, с кем из крупье контактирует... Так, по мелочи работал, никакого, считай, криминала. Мне даже зарплату не поднимали, на одной ставке охранника работал. Да и какой там работал... ну, пару таких подозрительных нашел... Я же совсем чуть-чуть у Горуханова работал...

– А к нему как на работу попали?

– Да как? Я же в обычной зоне сидел, так вышло. А Горуханов у нас за пахана. Блатные узнали, что я следователем был, наехали – типа мент. Если бы Горуханов не заступился, меня бы блатные на части порвали. А он сказал, что я военный следователь, что нечего на меня гнать. Еще и в свиту к себе взял, юридические вопросы решать – жалобу подать, прошение и тому подобное...

Павел не стал говорить, что еще у него был черный пояс по карате. Конфликт в зоне начался с драки, в которой он одному ээку разбил кадык, а второму сломал челюсть в двух местах. Потому и заступился за него Горуханов, что уважал таких людей, которые могут за себя постоять.

В детдом Павел попал в двенадцать лет. Он был домашним ребенком, не знал законов улиц, поэтому первое время подзатыльники сыпались на него со всех сторон. Но потом появился новый физрук, который организовал занятия по рукопашному бою, и Торопов увлекся так, что вскоре сам стал поддавать своим обидчикам. В военном институте он записался в секцию карате, выступал на соревнованиях. А в зоне кикбоксингом занялся, был там один специалист... Но Эльвире Тимофеевне зачем это знать? Еще подумает, что он хвастается.

– В общем, в пристяжи я у Горуханова был. А потом он освободился и, когда уходил, сказал мне, что я могу к нему приехать после отсидки. Он из Ульянова, что под Москвой... Горуханов меня к себе в телохранители мог взять, но сначала испытательный срок, три месяца просто в охране... А я в магазин пошел, возвращаюсь, смотрю, клоун...

– Про клоуна я уже слышала. И про то, что ты в зоне сидел, знаю. И про условно-досрочное освобождение тоже знаю...

– Какое условно-досрочное освобождение? – удивленно спросил Торопов. – Не было такого. От звонка, как говорится, до звонка...

– Ну, не было так не было... Значит, служили военным следователем, убили жену, получили срок... А почему про психиатрический стационар не рассказываете?

– Психиатрический стационар? Ну, было, чего скрывать! Проходил обследование, меня признали дееспособным, но с ограничениями, в том смысле, что в момент убийства я был не в себе. Состояние сильного душевного волнения, а если короче, аффект.

– Я знаю, что такое аффект... И сильное душевное волнение у вас было. И душевное потрясение. С тех пор к вам является покойная жена, упрекает вас в том, что вы ее убили...

– Да нет же, приходила она только один раз, вчера.

– Вы в этом так уверены? – удивленно и жестко посмотрела на Торопова Эльвира Тимофеевна. И, смягчившись, гораздо более душевным тоном предложила: – Подумайте хорошенько, Павел Евгеньевич, вспомните; может, ваша покойная жена приходила к вам не только вчера? Все-таки восемь лет прошло...

Торопов думал недолго.

– Глупо отрицать, что она ко мне не приходила. Снилось часто. Особенно первое время. Но ведь снилась. А вчера все по-другому было...

– Это вам только так кажется, что по-другому, потому что еще не утрачена свежесть восприятия. К тому же сейчас вы находитесь в той фазе, когда прежняя ваша жизнь находится за гранью реального восприятия. Кое-что вы помните из вашей прошлой жизни, а что-то – плод вашего больного воображения.

– Моего больного воображения?! – схватился за голову Павел. – Что вы такое говорите?

– Хорошо, давайте начнем с самого начала, – сказала врач и сделала глубокий вдох, как будто запасалась терпением. – Вы служите в милиции?

– Нет.

– У вас настоящее удостоверение?

– Я же говорил, что нет.

– Вы звонили своему начальству после того, как вас ударили по голове... а вас действительно ударили... звонили вы начальству?

– Нет.

– Но делали вид?

– Да. Я набрал первый попавшийся номер, но пальцем нажал на рычаг. И после этого начал разговор.

– Разговор с пустотой? – пристально глядя на собеседника, спросила Эльвира Тимофеевна.

– Выходит, что да...

– Как вы сами считаете, может ли человек в здравом уме разговаривать с пустотой?

– Зачем вы так ставите вопрос? – смутился под взглядом женщины Торопов. – Это не разговор с пустотой. Просто я сделал вид, что разговариваю с кем-то. Так многие делают...

– Мне все равно, что делают многие. Меня интересует исключительно то, что делаете вы. Вы сейчас находитесь под моим наблюдением, и я отвечаю за вас. И вы мне сами сказали, что разговаривали с пустотой...

– Нет, не так было! Вы спросили, а я всего лишь подтвердил!

Павел сопротивлялся как мог, но дело в том, что силы его иссякали с каждым произнесенным словом. Он точно помнил, что Эльвира Тимофеевна сама сказала про пустоту, но сейчас ему почему-то казалось, что именно он и сказал ей о том, что разговаривал с пустотой. Под ее пристальным взглядом Торопову стало казаться, что он действительно не в себе. И эта несуществующая служба в милиции, фальшивое удостоверение, разговор с пустотой – все это вода на ее мельницу.

– Ну вот видите, вы подтвердили. Значит, вы согласны со мной... А вспомните клоуна. Он бежал, хохотал, но его видели только вы. А Котов его не видел!..

Эльвира Тимофеевна открыла сейф, достала оттуда пухлую картонную папку, вынула из нее лист бумаги, бросила его на стол перед собой.

– Это объяснительная от Котова. Если есть желание, можете прочесть.

– Можно...

Торопов бегло пробежался взглядом по кривым строчкам рукописи. Котов подробно излагал, как сопровождал пациента за пределы запретной территории, как искал с ним следы несуществующего клоуна и так далее и тому подобное. Была здесь и запись о том, что у пациента возникли зрительная и слуховая галлюцинации. Пациент, несуществующий клоун, галлюцинация – все это резало слух.

– Почему он пишет, что я – пациент? – возмутился Торопов.

– Потому что не было никакого клоуна... Как не было никакого Горуханова, – ошаршила Павла врач.

– Как это не было!

– Горуханов был. Он действительно сидел с вами в одной колонии. И действительно он был в авторитете среди уголовников. Но дело в том, что здесь, в Ульянове, его не было. И вы не работали у него. И в клубе охранником тоже не работали... Вы отсидели в колонии пять лет, после чего условно-досрочно вышли на свободу. Вернее, условно-досрочное освобождение послужило лишь поводом для того, чтобы выпустить вас на свободу. На самом деле начальник колонии очень сомневался в вашем душевном здоровье. Да вы и сами в этом сомневались, поэтому попросили лагерное начальство организовать вам встречу с Маловаткиным Леонидом Константиновичем. Надеюсь, вы не станете отрицать, что этот врач ставил вам диагноз?

– Не стану, – кивнул ошеломленный Торопов. – Был Маловаткин. Но я не просил организовать с ним встречу...

На этот неуверенный и жалкий всплеск эмоций Эльвира Тимофеевна отреагировала небрежным взмахом руки. Дескать, зачем ей комментировать известный факт.

– Так вот, ваше лагерное начальство навело справки и выяснило, что Маловаткин Леонид Константинович в настоящее время работает у нас. Но вышла нестыковка. Он действительно работал у нас, но к тому моменту, как поступил запрос, он вышел на пенсию и уехал в родную деревню. Мы уговаривали его остаться, но увы. Врач он хороший, однако ему надоело лечить людей с психическими расстройствами. Вернее, не то чтобы надоело, он просто стал переживать за самого себя, боялся, что сам рано или поздно свихнется на этой почве...

– Да, да, он мне говорил об этом! – вспомнил Торопов. – Был у нас разговор. Он говорил, что чаще всего с ума сходят сами психиатры.

– Вот видите! – покровительственно улыбнулась врач. – Не все еще забыто... А ведь вас действительно сзади ударили по голове, когда вы прогуливались по парку. И мы даже знаем, кто это сделал. В результате удара вы частично утратили память. Я бы даже сказала, что у вас раздвоилось сознание. Не буду загружать вас медицинскими терминами, скажу проще, у вас произошел серьезный сдвиг в реальном восприятии действительности. Когда-то вы работали следователем, поэтому сейчас, после удара, у вас и возникла потребность вести расследование. Вы сами придумали для этого повод. То есть не вы придумали, этот повод родился в вашем

большом воображении... Вы действительно состояли в свите Горуханова, возможно, он в самом деле предлагал вам работу на свободе. Вот вы и возомнили, что работали у него.

– Но ведь это было на самом деле. И я могу это доказать!

– Как?

– Давайте съездим в клуб «Седьмая эра», я там работал, меня там знают.

– Нет у нас в городе такого клуба.

– Ну как же, на Фабричной улице!

– Фабричная улица есть, а клуба нет...

– А если все-таки есть?

– Хорошо, мы как-нибудь съездим на улицу Фабричную, и вы сами во всем убедитесь.

– А общежитие, где я жил? Меня там знают.

– И в общежитие съездим, если вы этого так хотите.

– Так давайте прямо сейчас и съездим! – взбудораженно подскочил на своем месте Торопов.

Он точно знал, что жил в общежитии, работал в клубе... Или неточно?..

Павел опустил голову и расслабил плечи, пытаясь осмыслить происходящее. А Эльвира Тимофеевна тем временем подошла к нему, села рядом, легонько коснувшись Торопова локтем.

– Вам сейчас успокоиться надо, Павел Евгеньевич, – сочувственно и озадаченно сказала она.

– Я даже знаю, что за всем этим последует, – усмехнулся он. – Укол сделаете?

– Нет, нет, никаких уколов, – покачала головой женщина. – Прежде всего самоконтроль.

Вспомните, как я вас этому учила.

– Ничему вы меня не учили.

– Зачем вы меня обманываете? – с тревогой за пациента и с упреком спросила женщина. – Я понимаю, вы можете не помнить, что было до удара. Но ведь мы только что вели разговор с вами на этот счет. Вы говорили, что видели вчера жену, потом появилась я. Но меня не было, просто вы контролировали себя. Вспомнили?

– Вспомнил, – кивнул Торопов. – Но вы меня не учили. То есть, может, и учили, но не сегодня...

– Ну вот, соглашаетесь, что это могло быть, и то хорошо, – улыбнулась Эльвира Тимофеевна, довольная хоть и малой, но все-таки победой.

– А могло и не быть.

– Мы обязательно побываем и на Фабричной улице, и в вашем общежитии. А еще вы можете прямо сейчас позвонить в милицию и узнать, что не было никакого убийства на Фабричной улице.

– Ну как же не было, если было!

– Прошу!

Врач великодушно указала на телефон, а Торопов набрал «02» и спросил номер оперативного дежурного Ульяновского РОВД, связался с ним и сообщил, что знает, кто убил гражданина Горуханова.

– Какого Горуханова?! – удивленно отозвался мужской голос в трубке.

– Горуханов Станислав Сергеевич. Криминальный авторитет.

– Знаю, кто он такой. Но давно ничего о нем не слышал. Наверное, сидит до сих пор...

Простите, с кем я разговариваю? Представьтесь, пожалуйста!

– Торопов Павел Евгеньевич.

– Откуда звоните?

– Кабинет главного врача психиатрического диспансера.

– А-а...

– Что «а»? Горуханов давно уже освобожден, и пять дней назад, в понедельник, двадцать четвертого августа, его застрелили на Фабричной улице. Вы должны об этом знать.

– А вот не знаем.

– Быть этого не может!

– И кто его застрелил?

– Клоун...

В трубке послышались короткие гудки.

– Зачем вы про клоуна сказали? – с насмешкой, но вместе с тем и с упреком спросила Эльвира Тимофеевна. – Какой нормальный человек в это поверит?

– Так он же ненормальный... Так, сейчас...

На этот раз Торопов позвонил в справочную и узнал номер начальника Ульяновского РОВД и даже смог дозвониться до него. Но тот заявил, что ничего не знает об убийстве Горуханова, а через некоторое время Эльвире Тимофеевне позвонили из милиции и грозно потребовали отвалить пациентов от ее рабочего телефона.

– Ну, теперь убедились? – с сожалением спросила Павла врач.

– В чем я убедился? В том, что милиция не хочет работать? Или в том, что братва решила не предавать смерть Горуханова огласке?

– Какая братва? – опечаленно вздохнула женщина.

– Ну, скажем так, его окружение. Может, его труп просто посадили в машину и увезли...

– А может, и не было никакого трупа?

– Может, и не было трупа, – кивнул Торопов. – Может, киллер всего лишь ранил его... Хотя он стрелял в голову. Но я знаю, случается и такое, что после пулевого ранения в голову человек выживает.

– Да, но не всегда при этом остается душевно здоровым.

– Вы на что намекаете?

– Не думайте, к вам это не относится. Расстройство психики у вас началось еще до того, как вас ударили по голове. К вам являлась жена, разговаривала с вами, говорила, что любит и вас, и своего любовника. Осуждала, что вы убили... На фоне ярко выраженной вины за содеянное, тревоги, страха у вас развился иллюзорный галлюциноз, наплыв множественных визуальных и вербальных иллюзий обвиняющего или угрожающего содержания.

Эльвира Тимофеевна снова раскрыла папку, где под надписью «История болезни» четко просматривались его фамилия, имя и отчество, заглянула в содержимое папки, которое состояло из плотной стопки сшитых листов бумаги. Долго просматривала документы, наконец нашла нужную запись.

– Вы убили Гришечкина Юрия Степановича одна тысяча девятьсот семьдесят пятого года рождения... Так вот, ваша жена упрекала вас в том, что вы его убили. И что стреляли в нее. Но при этом она утверждала, что сама она выжила...

– Откуда вы все это знаете?

– Ну как же! Вот записи, которые вел ваш лечащий врач, Дмитрий Викторович Семжин...

– Не знаю такого!

– Знаете, но не помните. Дмитрий Викторович сейчас в отпуске, но скоро выйдет, тогда снова займется вами. А пока я за него... Да и в любом случае вы находитесь под моей персональной опекой. Я главный врач этой больницы, и я в ответе за всех своих пациентов. Мы много беседовали с вами, вы должны помнить меня.

– Я вас помню, но я не ваш пациент!

– Хотите ознакомиться с историей болезни?

Торопов лихорадочно схватил папку, одну за другой перелистнул несколько страниц, и сделал это порывисто, едва не порвав рубаху.

– Павел Евгеньевич, не надо нервничать! Помните, вы должны держать себя в руках.

Это было не личное дело, как он подумал, а история его болезни, вшитая в стандартную папку. Здесь не было анкет, автобиографий, но имелось нечто вроде характеристик, которые давали на него лечащие врачи: Дмитрий Викторович Семжин и Эльвира Тимофеевна Архипова. Но эти характеристики являлись составной частью истории болезни. Врачи наблюдали за ним, делали свои выводы, только многое из того, что было написано, Торопов не понимал – слишком сложный был у психиатров почерк. Да и термины не совсем понятные... Но это была история *его болезни!* И его жизни в описании врачей, с фактами его биографии, с датами, за которыми скрывались поворотные и страшные моменты его судьбы. История эта была написана за три последних года. В две тысячи шестом поступил, а в две тысячи девятом так и остался в больнице... В дурдоме...

– Не могу в это поверить!

– Очень хорошо, что вы в это не верите, – чуть ли не ликующе улыбнулась женщина. – Очень хорошо!.. Вы думаете, почему я предоставила вам свободу действий? Потому что после удара я обнаружила в вашем сознании признаки просветления. Слышали, наверное, что клин клином вышибают, так и у вас – одно потрясение затмило другое. Ваша жена до сих пор продолжает являться вам, но вы уже не верите, что она жива... Или верите?

– Нет, не верю.

– И это меня радует... А то, что после встречи с женой вы увидели меня, так это побочное действие транквилизатора... Продолжать? Или лучше поговорим завтра? А то, я смотрю, наш разговор вас уже утомил. Вам бы отдохнуть немного, а то глаза красные от перенапряжения...

– Да нет, мне бы со всем этим побыстрее разобраться.

– Побыстрее не получится. Хотя все может быть... Так вот, вы уже не считаете свою жену живой. Это прогресс...

Павел вспомнил, о чем думал, засыпая после встречи с женой и Эльвирой Тимофеевной. Он собирался утром начать поиски Маши. А ведь это была сумасшедшая мысль. Но ведь утром сумерки в голове рассеялись, и он осознал, насколько далекими от здравого смысла были его намерения.

– Я бы даже сказала, большой прогресс. Настолько большой, что перед ним меркнет ваша новая навязчивость. Ну, придумали себе клоуна, ну, гоняетесь за ним; но вот мы с вами сейчас поговорили, и вы уже начинаете осознавать, что не было никакого убийства. И клоуна тоже не было... Или все-таки был? – интригуяще посмотрела на собеседника женщина.

– Нет, не было, – сообразил Павел.

Точно, Эльвира Тимофеевна держит его за психа. И изменить ее мнение можно только хитростью.

– Ну, зачем же вы меня обманываете, Павел Евгеньевич? – с капризным каким-то возмущением посмотрела на Торопова врач. – Я же вижу, что вы не совсем еще осознали навязчивость своих фантазий. И все-таки хорошо, что вы умеете контролировать себя... Я ведь сразу поняла, что мы с вами находимся на правильном пути, поэтому решила подыграть вам. Но, думаю, нам больше не надо экспериментировать. Мы разобрались, что не было никакого убийства, что не было никакого клоуна. И сейчас нам с вами осталось переварить все это. Сейчас для нас главное, чтобы к вам больше не являлась ваша жена, поэтому я отменила все лекарства, назначенные вам прежде.

– Я принимал лекарства?

– Конечно...

– И какие, если не секрет?

– В истории болезни все записано, если есть желание, можете ознакомиться. А сейчас, извините, мне некогда... Да, кстати, я распорядилась оставить вас в той самой палате, где вы провели несколько последних дней. Думаю, вам сейчас не стоит находиться в обществе других

больных. Это может остановить наметившийся прогресс. Как говорится, с кем поведешься... Ну все, вам уже пора.

Эльвира Тимофеевна нажала на кнопку под столом, и в кабинет к ней зашел молодой санитар с тяжелым, исподлобья, взглядом. Угрюмость в нем, но злости нет.

– Михаил, отведи, пожалуйста, Павла Евгеньевича в его палату.

– А я что, передвигаться теперь буду исключительно под конвоем? – с мрачной усмешкой спросил Торопов.

– Мне нравится ваш вопрос, – мягко и снисходительно улыбнулась врач. – Мне нравится ваше возвращение в прошлое, когда вы еще не были больны... Я так понимаю, вы вспомнили кабинет следователя, откуда вас выводили под конвоем.

– Вы угадали. Да, я вспомнил кабинет следователя. Но ведь здесь же не тюрьма.

– Нет конечно.

– И я знаю, где находится моя палата.

– И я знаю, что делаю... Поймите, Павел Евгеньевич, вы сейчас пережили стресс, и я не знаю, как это может отразиться на вашем поведении. Вдруг вы впадете в буйство? Не думаю, что это случится, но пусть Михаил все-таки за вами присмотрит... До свидания, Павел Евгеньевич!

Санитар тихонько тронул Торопова за плечо, и он поднялся. Да, надо уходить, раз такое дело.

– Паша, я не понял, ты чего-то боишься? – удивленно и фамильярно спросил в коридоре санитар.

– А ты что, меня знаешь? – подозрительно покосился на него Торопов.

– Ну, ты даешь, Паша! Это же я, Миша! Мы с тобой в шахматы играли!

– В шахматы?!.. Да, я играю в шахматы...

– Еще бы не играешь, почти всегда у меня выигрываешь! Ты что, правда меня не помнишь?

– Нет.

– Здорово тебя профессор приложил.

– Кто?

– Профессор... Ты что, правда ничего не помнишь? Вы с ним по парку гуляли, он тебя теорией поля грузил... Он всех этой теорией грузит. Дескать, он ее раскрыл, обосновал, сделал все необходимые расчеты и теперь может летать.

– Как это?

– В этой теории заключена гравитационная энергия, которую он научился использовать в личных целях. На ботинках у него образуются особые антигравитационные завихрения, которые отрывают его от земли. Вот он и показывает всем, как умеет летать. А летать он не умеет. И ты ему об этом сказал. Так он тебя за это булыжником по башке...

– Булыжником?!

Торопов огладил пальцами уже уменьшавшуюся, но все-таки еще прощупывающуюся гематому на затылке.

– Гладенький такой булыжник. Его Ерема все время шлифовал, это его любимое занятие. Он мимо вас проходил, а профессор этот булыжник у него вырвал... Я слышал, ты клоуна какого-то ищешь? – в словах санитар прозвучала откровенная насмешка.

Торопов поджал губы. Он уже и сам переставал верить в клоуна. Как будто не за ним он гнался, а за призраком... Но кто же тогда убил Горуханова? А может, и Горуханова никакого не было?.. Павел пальцами сжал виски, чтобы унять пульсацию в них. Казалось, где-то в глубине сознания кто-то стучал в барабан, и этот пугающий тревожный звук отзывался в ушах эхом и болью. В какой-то момент Павлу показалось, что он и вправду сошел с ума.

6

От возмущения волосы на голове у Маши встали дыбом. И руки с выставленными вперед пальцами она подняла, и спину дугой выгнула, как кошка перед схваткой с собакой, которая загнала ее в угол.

– Не надо меня трогать руками! Я тебе не музейный экспонат! Я живая!

– Так докажи, что ты живая!

Павел поднялся с койки, шагнул к жене.

– Стой! – запаниковала она. – Еще шаг, и я закричу!

– А вот этого не нужно, – испуганно попятился он.

Торопов уже понял, в чем заключено его спасение. Эльвира Тимофеевна не должна знать, что Маша снова наведася к нему ночью... Завтра он скажет психиатру, что никаких клоунов нет, и этим заставит ее поверить в то, что он в здравом уме. А про жену он промолчит. Не было ничего. И скоро врачи поймут, что он окончательно выздоровел. Он скажет спасибо им и чокнутому профессору, который булыжником избавил его от сумасшествия, после чего помажет всем ручкой. Тогда он и клуб свой на Фабричной улице навестит, и общежитие, чтобы на месте уже разобраться, что было в его жизни, а чего не было.

– Не надо кричать! – покачал головой Торопов.

За дверью – дежурный медперсонал: сестра, санитары, и если Маша поднимет шум, они сбегутся, узнают о ее появлении. Тогда придется рассказать Эльвире Тимофеевне, что Маша снова является к нему, и этим он подтвердит свою душевную болезнь.

– Тогда вернись на место! – повелительным тоном сказала Маша.

И волосы ее снова мягкой волной растеклись по плечам, и руки расслабленно опустились. Спина ровная, одно бедро нарочно приподнято, чтобы подчеркнуть волнительные очертания роскошного тела. Платье на ней бархатное, темно-синего цвета, короткое, облегающее. Павел помнил, как она шла с ним под ручку в этом платье по главной улице города, как мужчины оборачивались вслед. Она была чертовски красива, его Маша... Но лучше бы она была уродливой, тогда бы не появился в ее жизни Юра, которого она полюбила наравне с мужем. А может, и вместо него. Тогда бы Павел не сидел в тюрьме, тогда бы не сходил с ума...

– Не надо меня лапать, понял? – набросилась на Торопова Маша, едва он вернулся на свою койку.

– Почему не надо! Ты же моя жена!

– А зачем ты в меня стрелял? Ты стрелял, ты уничтожил все!

– Тогда зачем ты приходишь ко мне?

– Чтобы ты знал, насколько гадко ты поступил!

– Я это давно уже понял.

– А не надо понимать! Надо осознавать! И душой осознавать, и телом... Скажи, ты жег себя каленым железом?

– Зачем?

– Как зачем? Чтобы наказать себя! Чтобы выжечь свою гордость, свою ревность!

– Я семь лет отсидел, тебе этого мало?

– Почему семь лет? Ты отсидел пять лет! И три года ты провел здесь, в этой больнице! Ты псих, Паша! Ты просто псих! – Маша презрительно выпятила нижнюю губу. – И ты навсегда здесь останешься!

– Не хочу я здесь оставаться! – обхватив голову руками, в отчаянии мотнул ею Торопов.

Если уж Маша говорит, что в психбольнице он провел три года, значит, это действительно так...

– А придется! Я буду приходить к тебе каждую ночь. Я буду стоять у тебя над душой. Над твоей больной душой! И ты не сможешь спрятаться от меня! И никакие клоуны тебя не спасут!..

– Ты жестокая!

– Я жестокая? – скривилась Маша. – И это говоришь мне ты! Тот, кто стрелял в меня! Ты убил Юру. А ведь я так его любила. Где он сейчас? Гниет в земле! А ты? Ты лежишь здесь живой и здоровый, сытый, в тепле, на мягкой постели... Ну, не совсем здоровый. Больной на всю голову! Но ведь живой же! А Юра... Как же я тебя ненавижу!

– Ты говорила, что любишь и его, и меня.

– Да, но тебя я еще и ненавижу! И хочу, чтобы ты мучился всю жизнь!

– Почему ты приходишь только по ночам?

– Я прихожу к тебе, когда ты спишь. Мне нравится тревожить твой сон.

– Ты не живая, в тебе нет тепла. Ты призрак!

– Нет, я живая... Может, тебе сказать, где я живу днем? И с кем?

– Скажи.

– С клоуном я живу.

– С каким клоуном? – встрепенулся Торопов.

– С тем, который Горуханова убил...

– Не было никакого Горуханова. Не было клоуна...

– И клоун был. И Горуханова убили.

– Но ты же сама сказала, что я уже три года здесь лечусь. Не мог я у Горуханова работать, не мог видеть, как его убили...

– Ты и не видел. И за клоуном не гнался... А клоун есть. И он убивает...

– И как мне его найти?

– Сначала найди меня. Тогда найдешь и клоуна... Прощай! Клоун меня зовет. До завтра!

Маша резко повернулась к Торопову боком, стремительно приблизилась к двери, открыла ее и вышла в коридор. Павел ринулся было за ней, но, спохватившись, замер на месте. Нельзя ему идти за женой, чтобы, как в прошлый раз, не столкнуться в дверях с Эльвирой Тимофеевной. Придется тогда объяснять ей, что к нему приходила Маша, а это для врача лишний повод обвинить его в сумасшествии. А ведь Маша разговаривала с ним громко, на повышенных тонах, даже кричала – Эльвира Тимофеевна могла услышать ее, пойти на шум...

Торопов сел, низко опустил голову и обхватил ее руками. И тихонько простонал. Эльвира Тимофеевна могла услышать голос Маши. Что за бред? Если Маши нет, если это видения, то слышать ее мог только он... Значит, он сумасшедший, если так... Но ведь Маша подтвердила, что три последних года он провел в психушке. Эльвира Тимофеевна говорила ему то же самое. Значит, Маша жива, если она знает, что ее муж сумасшедший? Маша жива, он – пациент психиатрической больницы... Да, да, вокруг – сплошной дурдом, и он его законный обитатель... Торопов мог бы решить, что сходит с ума, если бы не осознал, что его душевная болезнь уже свершившийся факт. Жива Маша или мертва, слышала ее Эльвира Тимофеевна или нет, все равно с головой у него большие проблемы.

Эльвира Тимофеевна появилась в его палате только утром, после завтрака. Она обходила своих персональных пациентов, в числе которых был Торопов. Она сама ему об этом сказала.

– А как же Дмитрий Викторович? – осторожно спросил Павел, вспомнив недавний разговор.

– Дмитрий Викторович в отпуске. Вами сейчас занимаюсь я. Но дело не в том... Вы помните Дмитрия Викторовича? – спросила она, глядя на него с мягкой пылкой улыбкой.

– Нет, я его не помню, но вы про него говорили.

– Ну что ж, скоро он выйдет на работу, вы с ним увидите, возможно, вспомните его...

– Не знаю... Ко мне Маша сегодня приходила. Ночью, – стараясь скрыть нервное возбуждение, все же признался Торопов.

– Очень хорошо.

– Что здесь хорошего? Она осуждала меня, хотела, чтобы я жег себя каленым железом... Она хочет, чтобы я наказал самого себя за убийство ее любовника!

– Тихо, спокойно, – Эльвира Тимофеевна мягко, можно даже сказать, нежно накрыла рукой его ладонь. – То, что она от вас требует, – это, несомненно, плохо. А хорошо то, что вы признаетесь мне в своих видениях...

– Но это не видение, она действительно ко мне приходила.

– Вы прикасались к ней?

– Нет. Она не позволила... Она ненавидит меня, поэтому не позволила, – возбужденно сказал Торопов.

– Не позволила, потому что там не к чему прикасаться. Вот я, живой человек во плоти, сижу перед вами, – Эльвира Тимофеевна взяла Павла за руку, приподняла ее и уложила его ладонь на свою коленку, едва прикрытую полой халата.

Конец мая или, лучше сказать, начало лета, слишком уже тепло на дворе, чтобы носить колготки, поэтому ладонь Торопова ощутила теплую и бархатистую гладь женской кожи. Приятное прикосновение вызвало всплеск чувственных эмоций, Эльвира Тимофеевна заметила это и неторопливо сняла руку со своей коленки. В глазах у нее – лукавый упрек, на губах – ласковая улыбка, которой она как бы поощряла интерес мужчин к себе. Но, увы, при этом она не видела в Павле достойного претендента на роль своего кавалера, он был для нее всего лишь пациентом, которого если и стоило в чем-то поощрять, то в целях его выздоровления. Впрочем, он и сам был сейчас далек от того, чтобы воспринимать ее как женщину, которая могла бы скрасить его одиночество... Да и не одинок он. Где-то недалеко находится Маша... Или она все-таки не более чем призрак из прошлого?

– Вы, Павел Евгеньевич, можете прикоснуться ко мне, почувствовать тепло моего тела, – с затаенной усмешкой продолжала врач. – Вы прикоснулись, вы убедились, что я живой человек. А ваша жена не позволила прикоснуться к себе. Потому что ее нет, на ее месте – холодная пустота...

– Теплая пустота, – поправил врача Торопов. – Тепло в палате, воздух теплый...

– Мне нравится ход вашей мысли, – поощрительно улыбнулась Эльвира Тимофеевна. – Я согласна, пусть пустота будет теплой...

– И еще она теплая от прошлого, – глядя куда-то в точку над головой врача, чуточку заторможенно проговорил Павел. – Я любил Машу... Я помню, как ухаживал за ней... как в первый раз поцеловал... Я возвращался из командировки, она ждала меня, мы накрывали стол, зажигали свечи, пили вино, мяли постель... Она ждала меня. Она ждала меня вместе с этим проклятым Юрой. Пока я был в командировке, она спала с ним, – сжимая кулаки, сквозь зубы процедил он. – Она ждала меня в постели с ним... Я застрелил его! Я хотел убить ее!..

– Паша, не надо, – мягко обратилась к Павлу женщина. И снова ладонью накрыла его запястье. – Тебе нужно успокоиться... Помни, ты должен контролировать себя.

– Да, да, – соглашаясь, кивнул Торопов. – Я должен контролировать себя...

– Иначе мне придется назначить тебе курс медикаментозного лечения. Ты же знаешь, это небезопасно.

– Да, знаю. Я могу превратиться в растение...

Он знал, он слышал где-то, что аминазиновая терапия способна сделать из человека беспомощное существо, которое может ходить под себя, радостно при этом улыбаясь. Таких людей называют овощами... Где-то он слышал это. Где-то. И ясно где. Ведь он уже три года в психушке. Он много чего видел, много знает, просто далеко не все помнит из-за того удара по голове, которым наградили его чокнутый профессор. Ему отшибло память, но Эльвира Тимо-

феевна – знаток своего дела, она умеет вынимать из подсознания заложенные в него события, факты. И делает она это мягко и аккуратно. Может быть, когда-нибудь она вылечит его, избавит от несчастья, в которое повергла его живая память о мертвой жене.

– Правильно, – кивнула врач. – Ты должен превратиться в здорового человека.

– Но я здоров.

– Тебе только кажется, что ты здоров.

– Но ведь я знаю, что Маши нет в живых.

– Это просветление, Павел. Всего лишь просветление сознания. И я очень хочу, чтобы оно тебя не покидало...

– Не покинет.

– И твоя Маша перестанет являться к тебе во сне?

– Не во сне, – мотнул он головой.

– Ну вот видишь, – опечаленно вздохнула врач.

– Эльвира Тимофеевна, вы не так поняли, – забеспокоился Павел. – Мне просто казалось, что она являлась ко мне наяву. Но на самом деле она является ко мне во сне...

Торопов ощущал острую потребность доказать этой прекрасной женщине, что он душевно здоров. Или как минимум избавился от психического расстройства.

– Это хорошо, Павел, что ты это осознаешь. Но ведь Маша является.

– Может, это какой-то побочный эффект. Давали же вы мне какие-то лекарства!

– Нет уже никаких лекарств, – покачала она головой. – Ничего ты не получаешь. И побочных эффектов быть не может. А она является... Но ты не переживай, Павел, все будет в порядке. Мне кажется, наш эксперимент благотворно действует на тебя...

– Эксперимент?

– Я имею в виду расследование, которое мы позволили тебе провести. Ведь в прошлом ты был военным следователем, и это условное возвращение к прошлому взбудило тебя, можно даже сказать, наставило на истинный путь... А то, что тебя ударил профессор, – это всего лишь досадное недоразумение.

– Да, да, я не поверил в то, что он умеет летать, – вымученно улыбнулся Торопов.

– Не поверил. Потому что он действительно не умеет летать. И ударить он уже никого не сможет, – невесело вздохнула Эльвира Тимофеевна.

– Вы приняли меры?

– Разумеется. Как вы понимаете, я не сторонник медикаментозной терапии, но... Уверена, что вам не придется испытать на себе последствия такого воздействия. Да, кстати, что вы узнали про клоуна? – неожиданно спросила врач, пристально глядя в глаза пациента.

– Про какого клоуна? – растерянно посмотрел на нее Торопов.

– За которым вы гнались.

– Ни за кем я не гнался, – мотнул Павел головой, думая о том, что про клоуна нужно забыть.

Эльвира Тимофеевна и без того считает его душевнобольным, и не стоит усугублять ситуацию. Тем более что не было никакого клоуна.

– Но вы же проводили расследование, – с провокационным каким-то удивлением сказала женщина.

Но Павел не позволил провести себя.

– Видно, профессор очень сильно меня ударил, – торжествующе улыбнулся он. – У кого-то от удара искры из глаз летят, а у кого-то клоуны... Не было никакого клоуна. И Маши нет в живых.

– Хорошо, Павел, очень хорошо. Я рада за вас. Если так пойдет дальше, думаю, скоро нам придется расстаться. Срок вы свой отсидели, курс лечения, надеюсь, закончится. И тогда перед вами встанет вопрос, куда податься. Чем бы вы хотели заняться после выздоровления?

Глядя на Эльвиру Тимофеевну, Торопов понимал, что вопрос этот задан неспроста. Снова провокация. Он должен казаться здравомыслящим человеком в ее глазах, поэтому нужно забыть и о своей прежней работе в клубе, и об общежитии, и о самом Горуханове, убийцу которого пытался найти.

– Я не знаю. Рано об этом думать, – покачал он головой.

– А как же ночной клуб, в котором вы работали?

– Не было никакого клуба. И Горуханова тоже не было...

Он помнил встречу с Горухановым, разговор с ним, после которого его взяли охранником в клуб, но сейчас он всерьез считал, что все это было плодом больного воображения. Эльвира Тимофеевна внимательно смотрела на пациента и не могла не заметить, насколько искренне произносил он свои слова.

– На этом и остановимся, – мило улыбнулась она, поднимаясь со своего места. – Держите себя в руках, Павел, контролируйте свое поведение, и все будет в порядке... Да, и о каждой встрече со своей женой информируй меня. Это не просьба, это требование врача. Ты меня понимаешь?

– Понимаю. Я вас очень хорошо понимаю, – с важностью серьезного и солидного человека заверил ее Торопов.

Он действительно соглашался с тем, что каждое проявление своей болезни должен был обсуждать с Эльвирой Тимофеевной, но при этом он не хотел выполнять ее требования. Ведь Маша осталась для него в прошлом, и больше она не побеспокоит его в настоящем. Во всяком случае, он хотел в это верить...

Часть вторая

1

Она мелькала среди берез, как невеста, убегающая, но тем самым увлекающая за собой жениха. Только невеселы ее глаза, и радость не растягивает губы в белозубой улыбке. С тоской поглядывая на Торопова, Маша уходила в глубь рощи, а он шел за ней, не чувствуя под собой ног. Огибая дерево, он механически провел рукой по его стволу, но не ощутил теплой шероховатости под пальцами. Маша что-то говорила ему, но он не слышал ее. Его нос не улавливал запахов цветов, травы, березовой коры. Он видел, как ветер шевелит листья на ветвях деревьев, но не чувствовал его дуновения. Это могло означать только то, что за Машей он шел во сне, где ощущения смазаны спящим сознанием...

Маша остановилась, рукой обняв березку, как лучшую свою подружку. Повернулась к Павлу лицом, приманивая к себе, помахала ему свободной рукой. Она смотрела на него с недовольством, но враждебность в ее поведении отсутствовала. И она даже не попыталась убежать, когда Павел приблизился к ней. Осталось только руку протянуть, чтобы коснуться ее. И он сделает это, потому что она не останавливает его, не сопротивляется. Вот сейчас он и убедится в том, что ее бесплотную оболочку заполняет абсолютная пустота.

Но нет, он ощутил вдруг тепло и мягкость ее тела. Маша живая, материальная...

– Эй, ты чего? – мужским голосом возмутилась она.

Да и не она это вовсе, а он. Рома Дудник. Его залитые желтизной глаза с осуждением смотрели на Павла.

– Ты чего меня за грудь лапаешь? Я тебе что, баба?

– Извини, ошибся, – на удивление спокойно отреагировал Торопов.

Он шел за своей женой, но Маша вдруг превратилась в малознакомого мужчину. Это событие должно было всколыхнуть его изнутри, но Павел смотрел на Рому с детской невозмутимостью. Не было в его душе того живого брожения, которое заставляет человека возмущаться и удивляться. И в сознании полный штиль. И совсем не важно, где он разговаривает с Дудником, во сне или наяву. И то, что Маша исчезла, все равно.

– Ошибся он, – ухмыльнулся Рома.

Он развязал тесемку своего больничного халата, глубоко запахнул полы и даже поежился, как избалованная мужским вниманием жеманница.

– Совсем тут все из-за баб с ума посходили, – заговорщицки глянул он на Торопова.

– Кто это все? – механически отозвался тот.

– Да Илья Макарович, например, – понизив голос, обличительным тоном сказал Дудник и беспокойно глянул по сторонам, как будто боялся, что его могут подслушать.

– Опять ты за старое? – с едва выраженным упреком спросил Павел.

Дудник – ненормальный, как и все здесь. И глупо было осуждать его за возводимую на врачей напраслину.

– Ты не веришь?.. Я знаю, что не веришь! – От нервного возбуждения глаза Ромы стали еще желтее, чуть ли не оранжевыми. – Поэтому я и позвал тебя сюда!

Дудник показал рукой в сторону виднеющегося среди деревьев здания.

– Ты меня позвал? – в тугом раздумье спросил Павел, пытаясь сообразить, за кем он шел, за Машей или Ромой.

– А кто ж еще? Я, конечно!.. Что, тупо соображаешь? – засмеялся парень.

– Нет, нормально...

– Глаза у тебя пустые... Раньше бодрый был, а сейчас как чучело. Залечили они тебя!

– Как это, залечили?

– Ну ты совсем никакой, – обеспокоенно покачал головой Рома. – Совсем ничего не соображаешь. Так и овощем скоро станешь... У нас тут, знаешь, в спецблоке сколько таких!

– Сколько?

– Много! У Эльвиры Тимофеевны – это на раз-два! Чуть что не так, аминазин крест-накрест, и здравствуй, грядка. Ты в старый корпус зайди, там целый огород...

– Я не хочу быть овощем, – мотнул головой Павел.

– А кто тебя спрашивать будет?

– Врешь ты все... Ты вот совсем ненормальный, а овощем тебя не сделали. И на грядке ты не сидишь.

– Сам ты ненормальный! – огрызнулся Дудник.

– И я ненормальный, – легко согласился Торопов. – Но я хоть не вру. А ты все время врешь. Я знаю, что ты врешь. И не надо говорить, что меня залечили. Мне ни одного укола не сделали. Даже таблеток не дают, а ты – залечили...

– Таблеток не дают?... А чай тебе дают? А суп, кашу?

– Ну, дают, и что? – флегматично посмотрел на собеседника Павел.

– А то! – взбудораженно отозвался тот. – В чай тебе таблетки кладут!

– А уколы в клизму, да?

– Тебе клизмы делают?

– Нет, клизму делают тебе. Для промывания мозгов, – апатично сказал Торопов и зевнул во весь рот.

– Обидеть меня хочешь? – нахохлился Дудник.

– Зачем тебя обижать? Какой в этом смысл? – пожал плечами Павел. – У тебя свои тараканы в голове, у меня свои...

– Какие у тебя тараканы?

– Долго объяснять.

– Так я не тороплюсь.

– И я не тороплюсь. Только лень с тобой разговаривать. Устал я.

Торопов неспешно сел на землю, спиной прислонившись к дереву. Трава мягкая, воздух теплый, легкий ветерок шевелит волосы. Закрыть бы глаза и спать, спать... Разленился он в больнице: мягко спит, сытно ест, два раза в день прогулка на свежем воздухе. Расслабило его это вынужденное безделье, оттого и устает он быстро. А еще по ночам плохо спит: Маша своими визитами донимает. Впрочем, он к ним уже привык и почти не реагирует на них.

– Устал он, – насмешливо хмыкнул Дудник. – Потому что залечили тебя, потому и устал. В овоща ты превращаешься, вот уже и на грядку сел... Давай, поднимайся. Пойдем, я покажу, какие они здесь все извращенцы!

Он двумя руками вцепился Павлу в предплечье и со всей силы потянул на себя. Пришлось подняться.

Можно было сбить Рому с ног подсечкой, чтобы затем добить в падении, но делать этого Торопов не стал. Эльвира Тимофеевна учила его контролировать себя, и он не мог подвести ее своей хулиганской выходкой. Да и нехорошо обижать больного.

– Ты как тот банный лист, – с кислым лицом глянул на Дудника Павел.

– Давай, давай!

Рома потащил его к вещевому складу, что виднелся за деревьями. Это была одноэтажная постройка из белого силикатного кирпича с шиферной, потемневшей от времени крышей. Фундамент низкий, треснувший в нескольких местах, но окна расположены были высоко, под самой крышей. Два широких, но коротких по высоте окна с запыленными стеклами за ржавыми решетками. Нужно было приподняться на чем-нибудь относительно прочном, чтобы заглянуть внутрь здания. Можно было подтянуться, зацепившись руками за решетку, но Дудник достал

из-за куста боярышника два полусгнивших ящика из-под бутылок, осторожно поставил один на другой под первым справа окном.

С опаской глянув по сторонам, он протянул Павлу руку, требуя от него физической поддержки. И только получив ее, опираясь на подставленное предплечье, он взгромоздился на шаткий постамент. Руками зацепившись за прутья решетки, выпрямился во весь рост и глянул в окно. Судя по тому, как от восторга вытянулось лицо Ромы, там он увидел что-то очень интересное.

– Ну вот, что я говорил! – громко и ликующе прошептал Дудник, спрыгивая на землю.

– Что там такое, покойник ожил? – совсем не заинтригованно спросил Павел.

Возможно, он ошибся, и это здание не склад, а морг. Расположено оно в березовой рощице вдали от главного больничного корпуса, здесь безлюдно и тишина мертвая, может, потому и возникла такая мысль.

– Какой покойник? – вытаращился Дудник. – Нет здесь никаких покойников. Бордель здесь! Самый настоящий бордель. Ну, ты сам глянь!

Торопову не понадобилось помощи, чтобы забраться на ящики. Не было в мышцах прежней силы, физическая форма оставляла желать лучшего, но все равно он с легкостью зацепился пальцами за решетку, запрыгнул на верхний ящик, вытянулся во весь рост.

Через пыльное стекло в большой комнате, заставленной дощатыми стеллажами с какими-то баулами на них, на разобранном диване он увидел пожилого мужчину, в котором узнал Илью Макаровича. Укрытый простыней до груди, Косынцев лежал на спине с кем-то в обнимку. Грудь у него чахлая, живот впалый, поэтому он не мог закрыть своим телом прильнувшую к нему женщину. Она лежала на боку, опираясь на локоть, пальцами теребила седые волосы у него на груди и о чем-то с упоением шептала ему на ухо. Ей лет тридцать, вряд ли больше; круглолицая, большеглазая, с русой косой. Пышнотелая, крутобедрая, с тяжеловесной грудью, частью просматривающейся из-за плеча кавалера. Определенно, эта женщина обладала неоспоримыми достоинствами, что делало ее привлекательной для мужского взгляда. Но ведь не красавица. И не очень молода. Короче говоря, сложно было причислить ее к тому разряду молодых красивых пациенток, которых, по разумению Дудника, должен был совращать Косынцев. Да и не больная она, а служащая, скорее всего, кладовщица, что за неимением лучшего закрутила роман с пожилым врачом.

И снова, как в прошлый раз, Павел почувствовал себя одураченным. Тогда за пожилыми женщинами в бане подсматривал, сейчас – за уединенной парочкой. Разница была лишь в том, что тогда ему было стыдно, сейчас же он просто смутился. И нехватка эмоций ощущалась, и злиться на Дудника было глупо: ведь давно уже известно, что у него не все дома.

– Идиот, – спрыгнув с ящиков, покрутил пальцем у виска Павел.

– Идиоты! – в унисон его мыслям прогрехотал со стороны чей-то грубый мужской голос.

Но в этом случае столь нелестный ярлык был навешен не только на Рому, но и на него самого. Стремительно приближающийся крупногабаритный санитар яростно смотрел в их сторону. Он был один, и Торопов мог бы сбить с него спесь одним точным ударом, но делать этого он не стал. Во-первых, он сам виноват, что попался на удочку сумасшедшего Дудника. Во-вторых, санитар исполнял свой долг, собираясь изгнать блудных пациентов с запретной для них территории. Ну а в-третьих, Павел не хотел разочаровывать Эльвиру Тимофеевну, от которой, как он понимал, зависела его дальнейшая судьба. Врач и без того считала его ненормальным, а окажи он сопротивление санитару, она еще и в буйнопомешанные его зачислит. Тогда вместо того чтобы выписать Павла из больницы, она назначит ему курс интенсивной терапии со всеми вытекающим из этого последствиями.

Одной рукой санитар грубо схватил за шкуру Дудника, а другой – Павла и, как нашкодивших щенков, через рощу потащил в сторону главного больничного корпуса, поблизости от

которого прогуливались пациенты. Торопов не сопротивлялся и позволил отбуксировать себя к скамейке на парковой аллее.

– Здесь и сидите, придурки!

Парень разжал руки, и Торопов, потеряв опору, мешком плюхнулся на скамейку, едва не отбив себе копчик. На этом все бы и закончилось, если бы вдруг не появилась Эльвира Тимофеевна.

– Сергеев, что случилось?

Ее появление и взыскательный голос стали неожиданностью и для санитаря. Он встревоженно встрепенулся и заискивающе посмотрел на врача.

– Да вот, Эльвира Тимофеевна, шляются, где ни попадя. Особенно этот, – кивком указал он на обескураженно притихшего Дудника.

Но врач на него даже не взглянула: все ее внимание было сосредоточено на Торопове.

– Так и норовит сбежать. И этого с собой взял. Я их у склада нашел, возле прачечной. Они в окно там смотрели...

– Как они там оказались?

– Говорю же, сбежали. Отвлекся на секунду...

– Плохо, Сергеев, очень плохо. Нельзя вам отвлекаться.

– Еще раз, и пристрелят тебя, как собаку, – ожил вдруг Дудник. – А потом в бетон закачают, понял! С Эльвирой Тимофеевной шутки плохи, так и знай!

Наконец-то и он смог привлечь к себе внимание, но Архиповаглянула на Рому без злости. Дудник был для нее пациентом, и взятки с него гладки.

– Отведешь Романа Васильевича в палату, – распорядилась она.

И когда Дудника увели, заняла его место рядом с Павлом.

– Решил возглавить сообщество пинкертонов? – с незлобной иронией спросила она, глядя куда-то перед собой.

Руки в карманах халата, плечи приподняты, на лице выражение легкой, но усталости.

– Ничего я не решал, – робко отозвался Торопов.

Уж очень ему не хотелось попасть в опалу.

– А что возле склада с Дудником делал?

– Так просто...

– А я думала, ты на поправку пошел, а у тебя все просто, – с упреком сказала врач. – Все просто, как у дурака.

– Я не дурак, – мотнул головой Павел. – И не все просто. Я думал, это Маша...

Спохватившись, он прикусил язык, но было уже поздно. Не должен он был говорить про Машу, чтобы не выдать себя, но проболтался.

– Ты видел Машу?

– Мне показалось, что это Маша. Она среди деревьев мелькала. Я думал, она меня зовет...

– И ты пошел?

– Да.

– И это было не во сне?

– Я думал, что это во сне. Я спал после обеда, еще бы спать и спать, а мы гулять. В общем, спросонья померещилось...

– Но ты воспринял ее всерьез, если пошел за ней... Как часто она к тебе приходит?

– Да не часто... Совсем не приходит.

– Хочешь сказать, что ты совсем здоров?

– Нет... Не знаю... – замялся Павел.

– Плохо, Торопов. Ты пытаешься скрыть от меня свою болезнь, а она тем временем прогрессирует... Часто ты общаешься со своей женой?

Вопрос ее прозвучал так хлестко, что Павел невольно вздрогнул.

– Общаюсь?.. Ну, иногда...

– Она приходит к тебе во сне или наяву?

– Когда как.

– Почему я ничего не знаю? Мы же договаривались, что ты будешь сообщать мне обо всем.

– Ну... Я...

– Что – ты? Считаешь себя здоровым и пытаешься искать своего клоуна?

– Нет, не пытаюсь...

– Что ты делал возле склада?

– Ничего...

– Но ты же был там?

– Был. Меня Дудник туда привел.

– Опять мафию искали?

– Какую мафию?

– А то ты не знаешь, – иронично скривила доктор губы. – Дудник считает меня крестной матерью мафии. Или что-то в этом роде.

– Дудник – это диагноз. Я ему не верю... Он сказал, что у вас разврат здесь процветает. Говорил, что врач Косынцев молодых и красивых пациенток совращает. Наркотики, секс, все такое. А Косынцев с какой-то женщиной был. Не самая молодая женщина, в теле...

Торопов осекся, осознав, как низко он пал. Возможно, Илья Макарович хранит свой роман с кладовщицей в тайне, а он раскрывает его, как последний доносчик. И виной всему страх перед Эльвирой Тимофеевной, отсюда и постыдное желание выслужиться перед ней, чтобы она отменила свой диагноз-приговор.

– Ну, и чего ты замолчал? – подстегнула она собеседника.

– Да так... Это их личное дело. Ничего не было, ничего не видел...

– Это называется раздвоением сознания. То видел, то не видел...

Торопов тоскливо вздохнул. Только раздвоения сознания ему не хватало. Как бы медикаментозное лечение не назначили.

– Видел. Все видел, – мотнул он головой. – Косынцев был с женщиной...

Увы, но страх перед Эльвирой Тимофеевной оказался сильнее моральных принципов.

– И чем они занимались?

– Просто лежали... Ну, уже после того...

– После чего?

– Вы должны понимать, – замялся он.

– А если не понимаю?

– Ну, секс у них был. Я так думаю.

– А кто с ним был? Может, я?

– Я что, ненормальный? Я же сказал, что женщина была немолодая уже, – соврал он. – И в теле. Старая, значит, и толстая. А вы молодая. Очень стройная... И я бы даже сказал, красивая...

– Вот только льстить мне вовсе не обязательно!

В ее голосе можно было угадать кокетливые нотки, но гораздо больше в нем было раздражения. И на Торопова она посмотрела с недовольством. Но этим взглядом психиатр обращалась к нему пусть как к проштрафившемуся, но мужчине. Казалось, на какие-то мгновения она забыла, что имеет дело с душевнобольным.

– Я не льщу, – мотнул головой Павел. – Вы, может быть, уже в возрасте, но я вам точно скажу, не каждая молодая красотка сравнится с вами...

Эльвира Тимофеевна действительно была хороша собой, но все-таки лести в словах Торопова было больше, чем подлинного восхищения. Ему нравилась эта удивительная женщина, но еще больше он боялся ее. И готов был угодить ей, чтобы по ее врачебной воле не превратиться в растение.

– Увы, но я не могу сравниться с твоей женой, – сказала женщина с жеманно-ироничным сожалением в голосе.

Но при этом посмотрела на Торопова как на своего пациента. Больше он не интересовал ее как мужчина.

– И затмить ее не могу. Являюсь к тебе каждый день, а твою жену изгнать из твоего подсознания не могу. Или я плохой врач, или не очень красивая женщина...

– Да, но вы являетесь ко мне днем. А вы попробуйте явиться ко мне ночью, – неожиданно для себя предложил Павел. И спохватившись, робко добавил: – Шучу, конечно.

– В каждой шутке есть доля здравого смысла, – проговорила Эльвира Тимофеевна и сосредоточенно посмотрела на Павла. – Знаешь, я, наверное, так и поступлю. Я буду приходить к тебе по ночам...

– Но так нельзя, – в замешательстве мотнул головой Торопов. – У вас дом, семья, дети...

– Дом есть, – кивнула она. – А семьи нет. И детей тоже. Так что я ничего не потеряю. Но, возможно, приобрету. Еще одну излеченную мною душу. Обещать ничего не буду, ни тебе, ни себе. Но ты жди меня, Паша. Жди! Я приду к тебе ночью...

Торопов представил, как ночью дверь в его палату откроется и на пороге появится Эльвира Тимофеевна с распущенными волосами и в коротком халате, под которым только белые чулки и пояс для них. Сколько лет у него не было женщины, а тут такое чудо! Она разденется, приласкает... Или сначала приласкает, а потом разденется? А можно раздеваться, лаская...

В растерянности он повернул голову к Эльвире Тимофеевне, чтобы, глянув на нее, получить ответ на свои глупые вопросы. Но ее рядом не было. Она успела уйти, пока он пребывал в эротических фантазиях... А может, ее и вовсе не было. Что, если он разговаривал сейчас не с ней, а с самим собой? Если так, то удивляться нечему, ведь он действительно болен. Павел пытался внушить врачам, что с ним все в порядке, но сам он осознавал собственное душевное расстройство.

2

Краснолицый санитар с родимым пятном под ухом с важным видом прохаживался по тротуарным дорожкам, надменно посматривая за больными, как пастух за баранами, что мирно паслись на лужайке. Торопов сидел на скамейке и смотрел на него с безразличием смертельно уставшего человека. Он не собирался никуда бежать, и присматривать за ним вовсе не нужно. Да и нет сил бежать... Сейчас бы лечь на скамейку да заснуть. Но слева урна, а справа два товарища по несчастью. Один, худой и остроносый, молчит и слушает, а другой, грузный и напыщенный, вытянутыми руками опираясь на палочку с костяной ручкой, рассказывал ему о том, как он защищал Трою от кровожадных греков. Говорил он громко, импульсивно и скороговоркой; Павел мало что понимал из его несвязной речи, но сам голос выдергивал его из состояния дремы, не позволяя уснуть.

Веселой сегодня выдалась ночь. Сначала к нему наведальась Маша, ругала его, проклинала, потом появилась Эльвира Тимофеевна. И волосы у нее были распущены, и халат короткий, и белые чулки под ним. Но только вот раздеться ей не позволила Маша. Такой крик подняла, что у Павла до сих пор в голове шумит... Сегодня еще ничего. Сегодня Эльвира Тимофеевна всего лишь слушала, как орала на нее Маша. А вчера она сама устроила ей сцену, и кричала на нее, и угрожала ей внушительной дозой аминазина... И позавчера тоже был скандал. И неделю назад. И две...

Павел уже обращался к Эльвире Тимофеевне, просил ее больше не приходиться по ночам. Она пообещала оставить его в покое, но все-таки ее визиты продолжались с завидной регулярностью. Правда, последнее время она уверяла Торопова, что больше не приходит к нему наяву, а ее ночные скандалы – плод его воображения. И еще она пообещала начать медикаментозное лечение, если кошмары не прекратятся; именно поэтому Павел ее больше не беспокоил своими просьбами. Она по-прежнему являлась к нему по ночам вместе с Машей, а он отрицал это, чтобы не стать жертвой аминазиновой терапии. Отрицал и терял последние силы от постоянного недосыпания.

На прогулку идти он не хотел, но санитар выгнал его из палаты. Хорошо, если бы сегодня был затяжной дождь, как позавчера, тогда бы его оставили в покое и он бы смог выспаться на своей койке. Но в небе предательски светило солнце, и воздух теплый, и под ногами сухо. Только вот гулять не хотелось...

Но прогулка скоро закончится, потом обед, после чего будет тихий час. Скорей бы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.